

Дундуковские Чтения

Материалы конференции
памяти
Академии наук
(26 октября 2013 г.)

Лабиринт
Москва
2014

УДК 82.0

ББК 83

Д83

Дундуковские чтения. Материалы конференции памяти Академии наук (26 октября 2013 г.) / под ред. Б. В. Орехова. — М.: Лабиринт, 2014. — 80 с.

В книге представлены статьи, написанные на материале докладов, которые прозвучали на конференции памяти Академии наук, состоявшейся в Москве 26 октября 2013 года.

Предназначено для ученых, чиновников и всех интересующихся проблемами гуманитарной науки в России.

ISBN 978-5-87604-353-5

9 785876 043535 >

ISBN 978-5-87604-353-5

© Авторы статей, текст статей, 2014

© Динис Муслимов, макет, 2014

Предисловие

26 октября 2013 года в Москве прошла конференция «Дундуковские чтения», она была посвящена памяти Российской академии наук. После безрезультатных протестов академического сообщества 18 сентября был принят Государственной Думой, 25 сентября одобрен Советом Федерации, а 27 сентября подписан Президентом Федеральный закон № 253 «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этот документ решительным образом изменил сложившиеся в РАН порядки и, как сочли участники конференции, изменил их далеко не к лучшему. Под предлогом реформирования Академия лишилась важной для научной среды возможности саморегулирования. И не только ее. Не углубляясь в детали можно констатировать согласие участников конференции в том, что законодательно утвержденные изменения не принесут российской науке ничего хорошего.

На конференцию были приглашены принадлежащие примерно к одному поколению бывшие и нынешние аспиранты, докторанты, сотрудники институтов Москвы и Санкт-Петербурга Отделения историко-филологических наук РАН, которые, отвлекшись от печальных политических и административных обстоятельств, попытались представить результаты своих исследований на близкие им темы в неожиданных ракурсах. Ракурсы эти так или иначе включали элемент несерьезного. В соответствии с древней ритуальной традицией «веселых поминок», характерной для ряда славянских народов, участники представили либо доклады на серьезные темы, рассмотренные через призму ■■■■ карнавализованной методологии, либо сама тематика докладов была смеховой, а исследовательские методы серьезными. Именно поэтому название конференции отсылает к вице-президенту Санкт-Петербургской Академии

наук М. А. Дондукову–Корсакову, известному благодаря непристойной эпиграмме А. С. Пушкина.

Программа была разделена на три чтения – по количеству «подходов» законодателей к решению проблемы Академии.

Первое чтение включало доклады, тематически охватывающие не собственно филологическую тематику, а также зарубежный исследовательский материал. Открыл чтения А. Г. Израелян, подготовивший доклад на материале отчетов Института русского языка 1990-х годов. Затем выступила А. Л. Полян, рассказавшая о хасидской трактовке стихотворения М. В. Исаковского «Прощание». Завершила первое чтение А. С. Белоусова, осветившая проблемы гендерной дискриминации в итальянской опере.

Второе чтение было в целом посвящено проблемам языка и коммуникации. В. С. Полилова раскрыла тему прилагательных цвета как выражения духа народа. В. В. Орехов рассказал о корпусном исследовании сочетаемости глаголов «уйти» и «бросить» в русском языке. В. С. Люсина сделала доклад о типологии поцелуев как части системы невербальной коммуникации. П. Ф. Успенский сделал сообщение об объявлениях в городских маршрутных такси, а Н. Н. Занегина – о чешских объявлениях, адресованных владельцам собак.

В ходе третьего чтения участники конференции сосредоточились на проблематике русской литературы, но перед этим прослушали доклад Р. А. Евстифеевой о типологии епископов в «Истории франков» Григория Турского. Собственно тематическую секцию, посвященную русской литературе, открыл К. Ю. Зубков, рассказавший о жизни российского цензора и построивший несколько судьбоносных исторических параллелей к текущей академической ситуации. ■■■ К. А. Головастиков описал контекст и художественную функцию одной пушкинской реминисценции у В. В. Набокова. А. С. Бодрова осветила исторический фон стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ямки». Завершил чтения А. А. Скулачев, раскрывший тему алкоголизма в поэзии группы «Московское время».

По материалам части прозвучавших на конференции докладов были подготовлены статьи, представленные в настоящей книге. Тематические рубрики издания повторяют деление программы. Некоторые докладчики по неизвестным нам и независящим от нас причинам пожелали опубликовать в сборнике текст на тему, не совпадающую с темой их выступления на конференции.

«Дундуковские чтения» не остались незамеченными, информация об их проведении появилась на авторитетном в то время сайте Lenta.ru¹ в связи с новостью о подготовке другой научной конференции, которая была организована гуманитариями в качестве реакции на вмешательство чиновников в деятельность ученых.

■■■■■■■■ За прошедшее с момента проведения конференции до момента издания сборника время ситуация вокруг Академии не стала яснее, но оснований считать реализуемую реформу удачной у нас по-прежнему нет, а тревога за отечественную гуманитарную науку остается.

 <http://lenta.ru/news/2013/10/28/lagosophie/>

Первое чтение

«Дан приказ: ему – на запад» как
хасидская песня

А. Л. Полян

Институт языкознания РАН

Политика партии и правительства на очередном своем витке предостерегает нас от «вульгарного примитивного понимания светскости», что бы это ни значило. Этой самой вульгарно и примитивно понятой светскости противопоставляются «духовные скрепы» – видимо, утонченные и сложно устроенные. Не будучи инженерами духовных конструкций, мы постараемся внести свой вклад в духовное образование нации – путем популяризации сакральных иудейских текстов. Действовать мы будем, разумеется, методами лженауки, что избавит нас от гнета чересчур громоздких доказательств.

Текст, анализ которого составит существо нашей работы, — это стихотворение М. В. Исаковского «Прощание» (впервые опубликованное в 1936 г. в смоленской газете «Большевицкий молодняк»). В 1937 г. оно было положено на музыку братьями Дм. Я. и Дан. Я. Покрассами. Песня приобрела широкую известность под названием «Дан приказ: ему — на запад». Для удобства приведем здесь текст целиком:

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону..
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидали тихий край,
— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой,
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны — небольшой.

А всего сильнее желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорой победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подружке руку,
Глянул в девичье лицо:
— А еще тебя прошу я —
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Все равно, — сказал он тихо,
Напиши куда-нибудь!

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону..
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Географические маркеры, оставленные в тексте, — передвижение по оси восток-запад — могут быть прочитаны как аллюзия на историю библейского пророка Ионы. Получив от Бога приказ отправляться на Восток, в Ниневию, он отправился на крайний запад тогдашней Ойкумены — в Таршиш (находящийся, скорее всего, на Иберийском полуострове), но в конце концов покорился Божьей воле и пошел с пророчеством в Ниневию. Библейский Иона отправляется на запад вместо востока — коммунистический его собрат отправляется на запад, подчиняясь приказу. Однако отсутствие в песне мотива отказа от миссии заставляет искать другие ее толкования.

Для этого расскажем о втором элементе заглавия. Хасидизм — это течение, которое возникло в иудаизме в середине XVIII века. Зона исторического распространения хасидизма — это Подолия, Волынь, Галиция, Буковина, Бессарабия, многие части Польши, некоторые регионы Белоруссии. Хасидизм предполагал напряженное душевное служение Богу, страстную молитву, приветствовал мистические практики и даже аскезу, которая иудаизму не свойственна. ██████████ Все это пока звучит не слишком революционно, но на самом деле хасидизм внес принципиальные изменения и в представления о том, как надо служить Господу, и в социальную структуру еврейского населения Восточной Европы.

В средние века и новое время наиболее добродетельным иудеем считался тот, кто хорошо образован, т.е. начитан в классических текстах и может их самостоятельно толковать. Такой человек должен был быть состоятельным: вдумчивое изучение большого количества объемных

классических текстов предполагает наличие свободного времени. Хасидизм делает в этом отношении чрезвычайно смелый шаг: с образованности акцент переносится на чувственное служение Богу, «работу души», эмоциональный накал молитвы. В сборнике легенд об основателе хасидизма р. Исроэле Баал Шем-Тове приводится история о некоем мастеровом, который делал валенки. Он день и ночь был занят своим ремеслом – и неохотно оторвался от дел даже для знакомства с Баал Шем-Товом. ■■■■■■ Из всех сакральных текстов валенщик знал только несколько молитв и псалмов, которые и повторял про себя постоянно. Именно такого человека – простого, необразованного и искреннего в служении Богу – хасидизм объявляет идеальным. Хасидская литература не только предполагает демократического читателя, но и тиражирует демократических героев, какими, безусловно, являются герои этой песни.

Главой хасидской общины становится цадик – человек, которого хасиды полагали наделенным эзотерическим знанием и даром предвидения. Хасиды регулярно ездили к цадику на поклон – на праздники и просто в трудных жизненных ситуациях, чтобы попросить совета. У цадика обязательно просили благословения, часто – амулета, которым могла быть любая вещь (монета, предмет одежды и т. п.). Особенно ценились амулеты, написанные самим цадиком.

В песне очевиден хасидский подтекст: герой просит у героини сначала благословения, потом – письма.

Теперь – хоть поздно, а вступленье есть – в качестве запоздалого эпиграфа к нашей публикации мы хотели бы привести анекдот о церковно-приходской школе:

Учитель загадывает детям загадку: «маленькая, рыженькая, по веточкам скачет». Дети напряженно размышляют – и сидят молча. Проходит минута, другая, третья... Учитель пытается подбодрить учеников: «Это же совсем простая загадка! Маленькая, рыженькая – кто это может быть? Кто по веточкам скачет?» Однако молчаливые напряженные размышления продолжают. Наконец, поднимает руку самый сильный ученик и задумчиво и недоверчиво произносит: «Я, конечно, понимаю, что это Иисус Христос, но уж больно на белочку похоже!»

Похожими принципами нередко руководствуется и иудейская экзегеза. Можно вспомнить традиционное средневековое толкование библейской Песни песней: он, возлюбленный, – Бог, а она – народ Израилев (в иврите

это словосочетание – **כונסת ישראל** – женского рода). Все эротические метафоры это толкование старательно нивелировало: в частности, соблазнительные груди героини понимались как символическое изображение двух братьев, которые вывели евреев из Египетского рабства: Моисея и Аарона. Хасидская экзегеза выработала свою знаковую систему такого рода: в хасидской притче под царем почти всегда будет иметься в виду Бог, под короной, сокровищем, возлюбленной и много чем еще – Тора.

Обратимся к тексту песни. Существует целый пласт хасидских песен на славянских языках, в т.ч. на русском, и мы по праву можем отнести эту песню именно к ним.

Текст начинается с расставания возлюбленного (а мы помним, что это Бог) с возлюбленной, она же мечтает о воссоединении. Строки «А всего сильней желаю/... Чтоб со скорою победой/Возвратился ты домой» указывают на мессианские чаяния авторов: как известно, эсхатологическое шествие Мессии начнется с его пришествия в Иерусалим и победоносных войн во славу Божию.

Итак, герой – это Бог. Кого же символизирует героиня? Варианта, на наш взгляд, три: народ Израилев, Моисей и Тора.

Рассмотрим первый вариант. **■■■■■■■** Народ Израилев, разлученный с Богом, уходит в изгнание и мечтает о воссоединении с Ним. С этим толкованием не вяжется тема письменного творчества: Бог просит народ Израилев, находящийся в разлуке с Ним, писать священные тексты. Подобное толкование идет вразрез с иудейским пониманием сакральных текстов как боговдохновенных.

По той же причине мы отвергаем и идентификацию героини с Торой: писать сам себя священный текст не может.

Герой, от которого может исходить священный текст, – это Моисей. Подобный выбор также подтверждается телесностью персонажа: у героини песни, кроме души («я желаю всей душой»), есть лицо и рука. Именно эти части тела оказываются значимыми в библейском нарративе о Моисее.

Когда Моисей получил Тору на Синае в первый раз, он спускался оттуда пятясь, т.е. лицо его было обращено к Богу (Исх 31:15). Когда же он получил Тору во второй

раз, (спускался он лицом, и) лицо его сияло (Исх 34:29).

При получении скрижалей фигурируют руки, причем количество их меняется в процессе рассказа: когда Моисей только начинает свой путь с горы (пяťясь), «две скрижали свидетельства» были «в **руке** его» (Исх 31:15). Когда же он спустился и обнаружил, что за время его отсутствия евреи успели изваять золотого тельца и стали ему поклоняться, «бросил он скрижали, которые нес в **руках**, и разбил их» (Исх, 32:19).

Из разного количества упомянутых рук еврейская экзегеза делает вывод о том, что за отчетный период изменился вес скрижалей: когда Моисей узнал, что его народ согрешил, и разгневался, — со скрижалей улетели буквы, читай — их покинула душа, они отяжелели, и Моисею стало слишком тяжело их нести. Для нас же существенно другое. У героини песни упомянута лишь одна рука — значит, нам показан Моисей, еще не испытывавший горечи от осознания грехопадения. Более того, рука героини упомянута в тексте песни раньше, чем ее лицо (все — в пределах одного двустушия; в Библии же — наоборот: в стихе Исх 31:15 сначала упоминается лицо, а потом рука). Этим подчеркивается релевантность именно первого упоминания рук (точнее, руки) Моисея и ситуация до лицецерения тельца.

Та же история — колебание в числе упомянутых рук при крайней значимости их для сюжета — изложена чуть ранее, в главе Исх, 17, где описывается битва с Амалеком. Моисей, Аарон и Хур наблюдали за ходом битвы с вершины ближайшего холма. «Когда Моисей поднимал руку свою, одолевал Израиль, а когда опускал руку свою, одолевал Амалек; но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой стороны. И были руки его подняты до захождения солнца. И низложил Иисус Амалека и народ его острием меча» (17:11-13). Этот пассаж особенно ценен для нас, поскольку помогает связать упоминание частей тела Моисея с темой войны.

Итак, героиня песни обладает рукой (1 штука) и лицом (1 штука). Герой же (напомним, под ним имеется в виду Бог) бестелесен: ни одной части его тела не упоминается.

Однако известно, что он может быть ранен и может умереть. Что позволяет установить datum post quem для этой песни — 1881–82 гг., когда была написана работа Ницше «Веселая наука» («Die fröhliche Wissenschaft»), где был провозглашен тезис о смерти Бога.

Исаковский не зря оставляет своего героя бестелесным. В Библии не раз сказано, что лицезреть Бога лицом к лицу несовместимо с дальнейшей жизнью: от Бога исходит слишком яркий свет; а все, что связано с его нисхождением (теофанией), — сопоставимо с природными катаклизмами: камни низвергаются в пропасть (слишком большой вес), животные разбегаются в испуге (слишком громкий голос), горы плаваются, вода в реках закипает (слишком высокая температура). ██████████ В этом смысле симптоматично, что обращаясь к коммунистическому Моисею, Бог «сказал ... тихо».

Тихо Бог произносит следующие слова: «Все равно ... напиши куда-нибудь». Здесь подчеркивается еще одно свойство Бога: Он вездесущ. Поэтому письмо, адресованное Ему, дойдет, даже если на нем не указан адрес.

Эти тихо произнесенные слова — ответ на вопрос героини «Как я твой узнаю путь?». Ее вопрос напоминает не только о знаменитой библейской цитате: «Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице» (Притчи 30:18–19), переложение которой есть, в частности, у Пушкина в рассказе «Египетские ночи», но и о цитате из Псалмов: «пути Твои неисследимы!» (77:20), что подтверждает нашу идентификацию героя песни с Богом.

Итак, в этой песне зашифрована история из Торы: Бог-воитель (не зря одним из эпитетов Бога в Библии является Саваоф — **ה' צבאות**, Бог воинств) отправляет своего избранника Моисея вести войну. Моисей надеется на скорую победу и на возвращение — и свое, и Бога — в землю обетованную. Он предводительствует народом, ведет войну и, по приказанию Бога, записывает Тору. Как известно, ее сюжет заключается в том, что еврейский народ был изгнан из Рая — и должен войти в некий субститут Рая. Кольцевая композиция песни также выражает надежду на скорое обретение утраченного рая.

К типологии епископов в «Истории
франков» Григория Турского:
типы «алкоголики», «убийцы»,
«подкаблучники»

Р. А. Евстифеева

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

«История франков»¹ Григория Турского (ум. 594) характеризуется уникальным фактографическим богатством – по крайней мере в том, что касается жизни меровингских королевских дворов и религиозных институтов, действовавших на территории Галлии в V – VI вв. Автор, представитель аристократических кругов весьма романизованного Клермона, воспитывался при дворе короля Сигиберта и занял, вероятно, не без королевской протекции, должность священника в г. Туре, политическое и экономическое значение которого было в этот период весьма невелико, но символический престиж которого для галльского христианства был огромен – именно здесь прославился св. Мартин Турский (316/317–397). Св. Мартин был почитаем галльской церковью не только как непримиримый борец с язычеством – и классическим наследием, – но и как первый епископ-монах. Необходимость для церковных иерархов проходить через монашеский подвиг стала со временем одной из отличительных черт западной, католической ветви христианства, но ко времени Григория Турского, горячо защищавшего наследие Мартина, была неочевидной – и не всегда легко осуществимой, как подсказывают писания самого Григория.

---

¹ Наиболее авторитетное издание оригинала: MGH AA SS.RR.Mer I, ed. V. Krusch. Берлин, 1885. Русское издание: *Григорий Турский. История франков* = *Historia francorum*. Пер. и прим. В.Д. Савуковой. М., 1987.

Проблема кадровых ресурсов в галльской церкви VI вв. объясняется своеобразием социально-этнической структуры галльского государства: римская социальная и художественная культура, легшая на кельтский (собственно, галльский) субстракт, на военно-политическом уровне была сметена миграционными волнами, продвигавшимися с востока и из Скандинавии на запад, и единственным стабильным прибежищем галло-римской аристократии оказалась в этой ситуации церковь. С галльскими епископами, носителями комбинированной христиано-классической культуры, заключило союз одно из мигрировавших племенных объединений, принявшее христианскую веру в редакции, отличной от доминирующей среди перемещавшихся народностей арианской. В образовавшемся германо-кельто-романском государстве, несколько раз на протяжении VI в. дробившемся, но всегда остававшемся в руках меровингской династии, галло-римская земельная аристократия, во многом слившаяся с церковной структурой, конкурировала с королевским двором — или дворами, — представленным франкской военной аристократией. Меровингские короли, вынужденные сотрудничать с галло-римской элитой — находящейся в более тесном контакте с населением и владеющей управленческими и культурными механизмами, поддерживаемыми сильной и потенциально опасной Восточной Империей, — стремились заместить галло-римский элемент в церковной структуре элементом франкским.

Связь с восточной церковью [REDACTED] была недостаточно сильной, механизмы передачи культурного наследия стремительно терялись, новый этнокультурный элемент, все больше определявший кадровый облик галльской церкви, не имел доступа к семейной традиции, обеспечивавшей трансляцию культурных механизмов в галло-римской среде. Эту социокультурную атмосферу отражают многочисленные литературные и эпистолярные тексты, дошедшие до нас, но «История франков» представляет не имеющее аналогов обилие конкретного фактического и просопографического материала.

Со времени выхода «Мимесиса» Э. Ауэрбаха¹ в изучении наследия Григория Турского преобладала традиция критического отношения к произведениям епископа-историографа. Исследователи обращали

I Русское издание: Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 2000.

внимание на отсутствие законченных идеологических моделей в «Истории франков», которая и становилась преимущественно объектом чтения и интерпретаций. Действительно, на фоне классической и еще в большей степени византийской историографии анекдотический и фельетонный характер многих глав «Истории» поражает – наряду с беспощадным изображением как Меровингов, так и представителей церкви. Беспощадность эта прослеживается и в случаях, когда описываемое лицо представляется читателю как достойное почитания; в «Истории франков» практически нет положительных персонажей, за исключением эпизодов, в которых тот или иной персонаж фигурирует на протяжении небольшого отрезка текста.

Тем не менее, в последние годы наметилась обратная тенденция, представленная прежде всего работами М. Хайнцельмана¹, стремящегося показать единство замысла в десяти книгах, составляющих главный историографический труд св. Григория. Попытки эти кажутся нам не во всех случаях удачными, но заслуживающими самого серьезного отношения. Немецкий ученый указывает на возможные компоненты художественной программы турского епископа: намеренное соединение высокого и низкого, покуда речь идет о делах земных, следование элементам ветхозаветной традиции, а также отдельным элементам классической, поддержанным, в любом случае, традицией библейской и христианской.

Анализируя сегодня содержание «Истории», невозможно не учитывать замечания Хайнцельмана, но, как нам кажется, попытки усмотреть сознательный расчет во всех слоях ее нарративной манеры не должны отменять очевидных противоречий в ней – произрастающих, на наш взгляд, из полемического стремления епископа-историографа указать франкскому двору на то, что и христианской, и классической традицией владели только галло-римские семьи. Именно эта двойственная референция объясняет презентацию персонажей как в агиографическом, так и в фельетонном ключе.

Анализ отдельных биографических виньеток в «Истории» затрудняется тем, что система ценностей, из которой

---

¹ Heinzelmann M. Gregor von Tours (538–594). «Zehn Bücher Geschichte». Historiographie und Gesellschaftskonzept im 6. Jahrhundert. Darmstadt, 1994; он же Gregory of Tours: history and society in the 6th Century. Cambridge, 2001.

исходил Григорий Турский, современной исторической науке не вполне ясна. Этой неопределенности весьма способствует и очевидная непоследовательность галльского историографа в оценке некоторых персонажей. В качестве одного из самых ярких примеров можно назвать короля Гунтрамна, который описывается как богопослушный и достойный монарх, *rex bonus*, — что контрастирует с рядом эпизодов, где его поведение такой характеристике очевидно противоречит (см., напр., ■■■ IV, 47); и короля Хильперика, «Ирода и Нерона нашего времени» (VI, 46), о котором в одном из эпизодов сообщается: «... король Хильперик раздал много подарков церквям, базиликам и бедным людям» (V, 34).

Как нам кажется, использование агиографических топосов может — с известной осторожностью, — рассматриваться как указание на положительную оценку деятельности и поведения того или иного епископа, в то время как их полное отсутствие в описании — как свидетельство занятии персонажем средних и низких ступеней в гипотетической иерархии мужей церкви. Напротив, описание отдельных поступков далеко не всегда может рассматриваться в оценочном ключе, как мы постараемся показать ниже.

I. Евний Ваннский: загадочная немощь

«Когда Евний прибыл в Париж и служил воскресную праздничную литургию, он вдруг, вскрикнув и захрипев, упал. Из его рта и носа потекла кровь; его унесли на руках. Однако он поправился. Он чрезмерно предавался вину и обычно так сильно напивался, что не мог держаться на ногах» (V, 40).

Это описание прекрасно передает нарративную манеру Григория Турского. Логические переходы между событиями совершенно не ясны, и есть все основания полагать, что они вообще отсутствуют. Отсутствует у данного эпизода, по всей видимости, и какое-либо дидактическое значение. Предположение, что описание излишней преданности вину епископа Евния должно дополнять картину упадка меровингской церкви, с одной стороны, никак не объясняет первой половины эпизода, а с другой — опровергается стройной и в основном убедительной работой

М. Хайнцельманна (см. выше) об эклисиологическом проекте Григория в «Истории франков». У нас нет никаких специальных оснований считать, что данный эпизод введен для того, чтобы показать отдельные отклонения от этого проекта.

2. Дрокитигизил Суассонский: винопитие и слаз

«... как говорят, из-за чрезмерного пьянства четыре года тому назад потерял рассудок. Но многие жители утверждали, что это произошло с ним из-за колдовства архидиакона, которого он отстранил от должности, поскольку они видели, что Дрокитигизил, находясь в городе, становился более безумным, а если он уходил из города, то вел себя лучше. И когда в город приехал вышеупомянутый король, епископу, несмотря на то, что он чувствовал себя лучше, не разрешили войти в город по случаю прибытия короля. И хотя епископ был прожорливым и, более чем следует епископскому благоразумию, падким на вино, однако никто не отзывался о нем как о прелюбодее. Впоследствии же, когда в вилле Сорси собрался собор епископов, было решено позволить ему прибыть в свой город» (IX, 37).

Епископ Дрокитигизил предается не только винопитию (осуждение которого введено крайне аккуратным и мягким образом), но и чревоугодию, но именно чрезмерная частота встреч с Зеленым Змием лишает его рассудка. Тем не менее, такому поведению дается если не оправдание, то, по крайней мере, лояльное объяснение — заклятие, наложенное мстительным архидиаконом. [REDACTED] Другие члены церковного клира дают добро на его присутствие в городе во время королевского визита — что косвенно указывает на то, что пьянство осуждалось в терминах общественного приличия. Но прелюбодеяние, судя по тексту, считалось более тяжким прехом. (О епископских женах см. ниже).

3. Гунтар Турский: карьера и пьянство

«Когда он был аббатом, он выказал себя весьма разумным человеком и часто исполнял посольские поручения между франкскими королями. Но после того

как его рукоположили в епископы, он пристрастился к вину и стал почти неменяемым. При этом он делался столь безумным, что не мог узнать своих сотрапезников, которых хорошо знал; однако он нередко их бранил и упрекал» (X, 31, XVII).

Один из предшественников Григория по епископской кафедре, епископ Гунтар представлен в однозначном оценочном поле: положительно оценивается его поведение в должности аббата и отрицательно – в роли епископа, предающегося винопитию. Впрочем, единственное, что его преемник-историограф считает нужным сообщить своему читателю по этому поводу, – это забавный и яркий анекдот.

4. Каутин Клермонский: епископская месть в имущественной распре

Как и Гунтар Турский, епископ Каутин из Клермона, родного города Григория, стал злоупотреблять вином, вступив в епископскую должность.

«И вот когда Каутин стал епископом, он так повел себя, что все его проклинали, ибо он чрезмерно предавался вину. И, впрямь, он часто напивался до такой степени, что его вчетвером с трудом уносили от стола. Вот почему впоследствии он заболел падучей» (IV, 12).

Здесь пьянству выносятся суждение от имени коллектива (неясно, впрочем, о какой именно группе лиц идет речь, но мы предполагаем, что о «народе» – городской аристократии, имевшей право голоса, в частности, при выборах епископа) и порок даже карается некоторым злокачественным последствием – неясно, божественного или чисто физиологического происхождения.

Помимо излишей преданности вину, епископ Каутин представлен еще одной своей стороной: в хронике излагается эпизод жестокого покушения с его стороны на жизнь пресвитера Анастасия, владевшего собственностью, незаконный отъем которой в свою пользу пытался организовать Каутин. После угроз и содержания под стражей, не подействовавших на непреклонного

пресвитера, Каутин отдал приказ похоронить его заживо, замуравав в гробнице.

Следует более чем красочное описание страданий Анастасия:

«И так как гробница, как мы сказали, была просторной, то пресвитер хотя и не мог повернуться в ней, однако свободно протягивал руку в любую сторону. А кости мертвого, как он сам обычно рассказывал, источали зловонный запах, который действовал не только на внешние органы, но и переворачивал внутренности. И когда он закрывал нос плащом и насколько мог сдерживал дыхание, он никакого дурного запаха не чувствовал. Но как только ему казалось, что он задыхается, он откидывал немного плащ с лица и тогда вдыхал зловонный запах не только ртом или носом, но словно даже ушами» (IV, 12).

Пресвитеру удастся выбраться на волю и добиться заступничества у короля Хлотаря. Этот эпизод, однако, никак не влияет на занятие Каутином епископского престола.

«К королю Хлотарю пришел и епископ Каутин, но, обвиненный пресвитером Анастасием, удалился, побежденный и смущенный» (там же).

Наказание, как представляется, не вполне соразмерное для лица, пытавшегося кого-либо заживо похоронить, да еще и на святых мощах.

5. Фронтоний Ангулемский: божественное возмездие

Епископ Фронтоний из Ангулема также запятнал себя кровью: по его приказанию был убит «dux» Марахар – представитель королевской власти на территории Ангулема. Его поступок осуждается Григорием вполне однозначно:

«Фронтоний, по чьему совету было совершено это преступление и который вскоре принял епископство, скончался, прослужив епископом всего один год, так как божественное правосудие настигло его» (V, 36).

Обращает на себя внимание срок исполнения смертельной кары — больше года с момента совершения преступления. Вообще, предварительный анализ эпизодов, в которых отмечается наказание героев со стороны высших сил, показывает значительную неуверенность автора «Истории» в интерпретации такого рода наказаний, как и вообще сверхъестественных явлений.

6. Приск Лионский: подстрекательство со стороны жены

Епископ Приск, так же, как Фронтоний, становится жертвой божественного возмездия, но в иной форме. Вместе с супругой Сусанной он убивает сторонников своего предшественника — епископа Ницетия Лионского (дяди Григория, о чем известно из других его произведений). Возмездие настигает их в форме лишения разума, и, возможно, распространяется также на домочадцев, хотя из текста это и не совсем очевидно:

«Его сын и все домочадцы казались бледными и слабоумными, так что ни у кого не было сомнения в том, что их поразила сила святого мужа» (IV, 36).

Наличие у епископа жены — факт, обычно отмечаемый Григорием Турским с открытым осуждением. Напомним, что западная церковь приходила к целибату постепенно, и постановления галльских церковных соборов отражают противоречия и затруднения на пути к установлению целибата для всех высших церковных должностей.

Сам Григорий, горячий и, вероятно, последовательный сторонник этой линии, воспринимавший себя хранителем и защитником наследия св. Мартина Турского, женат, по всей видимости, не был — впрочем, для того, чтобы судить об этом с полной уверенностью, нет никаких надежных свидетельств. ■■■■■■

Практически во всех случаях, когда рядом с епископом действует его жена (которой церковные каноны предписывали братское, а не супружеское житие с мужем с момента занятия им должности и рекомендовали раздельное проживание), эта фигура представлена как источник злодеяний или по крайней мере неблагонравного поведения епископа.

Супруга епископа Приска не только злословит против почившего Ницетия, но и сожительствоует с мужем; впрочем, прямо о том, что именно она подстрекает супруга к убийствам, не говорится.

7. Бадегизил Леманский: злодеяния жены епископа

Жена епископа Бадегизил из Ле-Мана прямо обвиняется в подстрекательстве:

«К его грубой и суровой душе как нельзя лучше подошла еще более жестокая жена, побуждавшая его советами на совершение самых гнусных преступлений» (VIII, 39), — сообщается в «Истории».

Впрочем, преступления самого Бадегизила описываются более мягкими красками, чем злодеяния его супруги. Если он замечен в совершении насилия, грабеже и шантаже, которые поданы очень обобщенно, то редкие по своей жестокости преступления жены переданы с редким для церковного сочинения натурализмом:

«случалось, что она целиком вырезала у мужчин срамные уды прямо с кожей живота, а женщинам прижигала раскаленной бляхой обычно скрываемые места на теле. Она совершила много и других гнусных дел, о которых, я думаю, лучше умолчать» (VIII, 39).

Стоит обратить внимание на то, что епископом Бадегизил был назначен после придворной службы в должности майордома — практика, распространенная в меровингской церкви, но открыто осуждаемая Григорием. На то имелись самые разные основания: как очевидное отсутствие у франкских дворян, — попадавших на епископский престол прямо с королевского двора, а не из монастыря, — необходимой подготовки, так и социальное противостояние старой галло-римской земельно-культурной аристократии с франкской, не так давно военно-кочевой.

8. Сидоний Аполлинарий: благодеяния и семейные распри

■■■■■■ История Сидония Аполлинария, самой значительной общественной и литературной фигуры

позднеантичной Галлии, для которой Григорий Турский не жалеет похвальных слов, несет в себе эпизод, не вполне подходящий для панегирика.

«Так как Сидоний отличался исключительной набожностью и, как мы упоминали, принадлежал к числу первых сенаторов, он нередко тайком от жены уносил из дома серебряную посуду и раздавал ее бедным. Когда она узнавала об этом, она сильно его бранила, и Сидоний, выкупив посуду у бедняков, приносил ее домой» (II, 22).

Здесь представляется парадоксальным более-менее каждый элемент: исключительная набожность не оправдывает наличия жены; стремление помочь бедным – раздачей серебряной посуды, – отступает перед бранью со стороны супруги; благодеяние оборачивается довольно унижительным возвращением в дом драгоценной утвари. Фигура мужа-подкаблучника, который в должности епископа не в состоянии помочь пастве из страха перед женой, контрастирует с агиографического толка описанием божественной кары, опускающей на головы врагов Сидония, а кроме того, представляется уникальной в панораме средневековой церковной литературы.

Епископский престол не был, как известно, единственным значительным эпизодом в биографии галльского литератора, побывавшего, кроме прочего, римским префектом – без всякого на то изначального расчета, – и женатого на дочери другого галльского аристократа, Авита, добившегося должности римского императора; литературное и эпистолярное наследие Сидония носит в основном светский характер, в отличие от сочинений Григория – почти исключительно агиографического толка.

К типологии епископов в «Истории франков» Григория Турского: типы «калкоголики», «убийцы», «подкаблучники»
Р. А. Евстифеева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Второе чтение

«Накоплю я много поцелуев..»: к типологии невербальных средств коммуникации

В. С. Люпина

Институт языкознания РАН

I. Введение

В данной работе речь пойдет о явлении, которое мы называем «невербальной рамкой коммуникации», и о поцелуе как части этого феномена. Невербальная рамка представляет собой этикетные жесты, которые используют люди разных культур в канонических ситуациях приветствия и прощания. Мы постараемся наметить принципы, которыми должны руководствоваться исследователи при типологическом описании невербальных рамок коммуникации, и сделаем некоторые предварительные типологические обобщения. В основном наши выводы касаются такого этикетного жеста как поцелуй, так как именно в этой области системы демонстрируют наибольшее разнообразие.

2. Жесты приветствия и прощания

Поскольку этикетные жесты организуются в семиотические системы, а методы типологии лучше всего разработаны для такой семиотической системы как человеческий язык, в нашем исследовании мы будем пользоваться лингвистическим аппаратом. Представляется, что культуру, в которой функционируют те – или иные правила этикета, можно считать системой, подобной языку. Сами же правила аналогичны правилам языка; для удобства мы будем считать означающее – рукопожатия, поклоны и т.д. – морфемами, а сочетания полов, которые требуют разных показателей – граммемами, или гендеремами¹. Мы можем сказать, например, что в культуре образованных москвичей гендерема *m+m* во время приветствия и прощания использует показатель «рукопожатие», в то время как гендерема *ж+ж* располагает целым набором показателей, выбор которых зависит от дополнительного контекста.

Системы с одинаковыми этикетными координатами могут быть ограничены следующими параметрами:

- географическим: страна, регион, город;
- национальным (*WASP* и *Hispanics* в США приветствуют друг друга по-разному);
- 'социологическим': возрастная группа, социальный статус, субкультура;
- ситуационным (например, случайная встреча на улице vs. прием в посольстве).

Согласно работе Г.Е. Крейдлина, ситуация приветствия и прощания не состоит из одного элемента, а включают в себя целый комплекс жестов. Выделяются следующие этапы приветствия-прощания:

1. Взгляд и узнавание на расстоянии.
2. Приветствие на расстоянии (приподнять шляпу, помахать рукой, показать язык).
3. Пространственное сближение.
4. Близкое приветствие.
5. Отход и расставание.

---

1 Во время дискуссии по поводу нашего доклада некоторые участники конференции настаивали на термине «сексема». Мы, однако же, считаем термин «гендерема» более адекватным: латинское слово *sexus*, так же как и его современные производные, указывает на биологический пол, в то время как современное слово *гендер* отсылает нас к типам социального поведения, которые коррелируют с полом, но не исчерпываются им.

На наш взгляд, такая схема может быть характерна только для очень ограниченного количества ситуаций. Как правило, несколько этапов бывают совмещены, а иногда и вовсе отсутствуют. К примеру, люди могут узнать и поприветствовать друг друга на расстоянии только на улице или в просторном помещении, в гостях же обычно партнеры сразу оказываются рядом. Кроме того, за таким приветствием часто не следует никакого сближения и близкого приветствия. Приветствие на расстоянии характерно, скорее, для случайной встречи, близкое приветствие — для встречи запланированной.

3. Невербальная рамка коммуникации

Невербальная рамка коммуникации (НРК) — это гендеремы, которые используют участники коммуникации во время приветствия и прощания. ■■■■■■■■ Канонической НРК следует считать наименее маркированные для данной культуры показатели, которые используют два участника невербальной коммуникации в контекстах приветствия и прощания. Немаркированность определяется следующими факторами:

- рутинная ситуация: рабочий или учебный день, встреча в неофициальной обстановке;
- достаточно (но не слишком) близкое знакомство участников коммуникации: нельзя считать канонической ни встречу коллег, которые знают друг друга только в лицо, ни встречу лучших друзей;
- одинаковый или очень близкий статус участников коммуникации.

На наш взгляд, соблюдение этих условий демонстрирует максимально естественную картину: мы не увидим здесь ни специальных ритуалов, которые могут придумать лучшие друзья, ни полукивков и легких движений век, которые производят люди, не зная, как правильно поздороваться (и здороваться ли вообще) с почти незнакомым человеком. Каноническая рамка используется, когда люди точно **знают**, какие именно жесты надо воспроизвести, и воспроизводят их почти рефлекторно ■■■ (или намеренно отказываются от них, чтобы продемонстрировать значимое отсутствие и вызвать у партнера по коммуникации когнитивный диссонанс).

Таким образом, у нас выстраивается параллель с грамматической системой языка: если культура — это язык, то НРК — это одна из грамматических категорий, которая

состоит из набора гендерем, зависящих от контекста и реализуемых с помощью показателей-жестов. Такой анализ позволяет исследовать типологию НРК в культурах мира.

4. Типология НРК

Создание типологии НРК – чрезвычайно трудоемкая задача, которую еще только предстоит выполнить. Не существуют базы НРК разных культур, а отдельные описания часто отрывочны и неполны. ■■■■■■■■ Прежде всего, типологи НРК должны будут провести полевую работу во множестве плохо описанных культур, после чего можно будет создать базу данных и получить достоверные типологические результаты. Пока что мы можем ограничиться лишь общими замечаниями о некоторых особенностях европейских и близких к европейским культур.

Типология НРК описывает, какими жестами обозначается та или иная гендерема в разных культурах. В отличие от звучащего языка, в котором означающие морфемы очень разнообразны и абсолютно произвольны (ср. показатели падежей в разных языках), невербальный язык располагает ограниченным набором означающих. Чаще всего это поклон, поцелуй, объятие, рукопожатие¹. В хорошо знакомых нам системах встречается только рукопожатие, объятие и поцелуй, однако они по-разному распределяются по гендеремам и имеют разный статус.

Наиболее пестрым и разнообразным оказывается поцелуй: их количество, значимость для этикета и распределение по гендеремам сильно варьируются в зависимости от культуры. Сравним для примера русскую и испанскую системы, на первый взгляд демонстрирующие одинаковую парадигму:

гендерема	м+м	м+ж	ж+ж
показатель	рукопожатия	поцелуи	поцелуи

Во-первых, в России и Испании используется разное количество поцелуев, один и два соответственно. Во-вторых, в России необходимость поцелуя в гендеремах м+ж и ж+ж можно поставить под сомнение. Рутинные, ежедневные поцелуи при встрече и прощании можно увидеть

I Хотя мы не исключаем, что в экзотических культурах может обнаружиться невиданное доселе разнообразие.

(и то не всегда) только у подростков, школьников и студентов-младшекурсников. В Испании поцелуй при встрече и прощания абсолютно необходим. Для подкрепления этого утверждения приведем пример из личной полевой практики автора данной статьи. На прогулке с испанскими коллегами автора представили случайно встреченным друзьям этих коллег, родителям среднего возраста с ребенком, мальчиком лет восьми. После представления мужчина и женщина поцеловали автора, как того требовал этикет, а мальчик смутился и целоваться отказался. ■■■■■■■■ Его мать была очень рассержена. Она сказала, что Хуан ведет себя очень невежливо, что ей стыдно за него, и что он немедленно, сейчас же должен поцеловать Валентину. Как нам кажется, этот пример наглядно демонстрирует значение отказа от поцелуя в испанской культуре: такой отказ, по-видимому, передает неуважение или даже неприязнь к партнеру по коммуникации, вне зависимости от статуса и степени знакомства партнеров.

Рассмотренные нами системы часто различаются только по «поцелуйному» параметру: количеству, качеству, распределению гендерам. При этом рукопожатие, как правило, оказывается дефолтным показателем, а объятие – опциональным (ср. однако работу Г.Е. Крейдлина¹ о жесте *hug* в США; также с русского форума: «с девками чмоки-хаги, с пацанами – мужское рукопожатие» – однако в этом случае объятие сопровождает поцелуй).

Вот несколько особенностей жеста-поцелуя в исследованных нами культурах:

- в Южной Италии, Аргентине, Уругвае целуются не только женщины, но и мужчины;
- в некоторых молодежных сообществах США целуются в губы;
- в Бельгии целуются 3 раза, некоторых регионах Франции – до пяти раз (информация с сайта combi-endebises.free.fr).

Итак, в рассмотренных системах именно поцелуй обеспечивают своеобразие системы. Не исключено, однако, что в дальнейшем будет обнаружено еще множество показателей, в обязательном порядке маркирующих НРК в разных культурах.

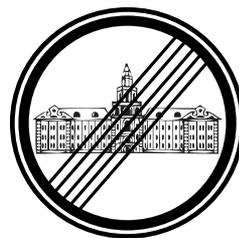
¹ Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.

5. Перспективы типологии невербальных средств коммуникации

Типологии НРК необходимо в будущем ответить на следующие вопросы:

1. Каков статус ■■■■■ «обнимального» показателя? Может ли он быть обязательным?
2. Возможно ли различие между показателем прощания и приветствия (кроме Ø)?
3. Действительно ли для европейских культур характерна омонимия показателей м+ж и ж+ж?
4. Каково максимальное количество «гендерем» в системе?

Автор призывает всех, кому небезразлична судьба науки, принять участие в полевых исследованиях, которые помогут пролить свет на эти вопросы.

Каждая несчастливая семья
несчастлива по-своему,

или

О сочетаемости глаголов «бросить»
и «уйти» на материале корпуса

Б. В. Орехов

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

В непрямом значении глаголы «уйти» и «бросить» используются для обозначения ситуации разрыва близких (прежде всего семейных) отношений по инициативе одного из партнёров. Очевидная разница между глаголами **бросить** и **уйти** заключается в том, что в случае, когда объект не пропущен, при первом глаголе он будет прямым, а при втором выражен в предложном сочетании. На первый взгляд, во всём остальном глаголы кажутся эквивалентными. Действительно, в некоторых конструкциях эти лексемы взаимозаменяемы и употребляются с равной частотностью.

Бросить семью (47 документов, 51 вхождение):
Но врачи-то знали: когда Коле было четыре года, отец **бросил семью**, а его «добрая» мама была алкоголичкой и погибла в белой горячке. [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)]; И это не значит, что я готова с ними переспать или **бросить семью**. [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)]

Уйти из семьи (46 документов, 55 вхождений): Когда Райнеру было шесть, сбившиеся в кучу родственники наконец разъехались, но и папа-врач тоже **ушел из семьи**, и ребенка до испуга разочаровало празднование Рождества с мамой вдвоем в пустой и гулкой, а прежде такой тесной квартире. [Алла Глебова. Матрешка Ханны Шигуллы (2002)//«Домовой», 2002.08.04]; Я не из газеты теперь хочу уйти. Я хочу **уйти из семьи**. Я даже сына уже не так люблю. [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]

То есть «бросить семью» и «уйти из семьи» с точки зрения языка – одно и то же.

Аналогично ведёт себя сочетание субъекта муж с предикатами *уйти* и *бросить* в непрямом значении. Такие контексты появляются в языке и корпусе только начиная с середины XX века и имеют близкие показатели частотности:

муж + бросить (25 вхождений): Она считала, что жилищу **муж бросил**, нашёл себе другую на фронте, помоложе, от этого она задумывается. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]

бросить + муж (nom) (13 вхождений): Мать, не сильная и спокойная, а стыдящаяся того, что её **бросил муж**. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

муж + уйти (21 вхождение): Я слышала, ваш **муж ушел** от вас к другой женщине? [Коллекция анекдотов: супружеская неверность (1970–2000)]

уйти + муж (nom) (10 вхождений): Женщина, от которой незадолго до этого **ушел муж**, пришла к целителю за помощью и оказалась в западне. [Наталья Барановская. Психическая атака. Неграмотный психолог способен довести клиента до самоубийства (2003)//«Известия», 2003.01.14]

То есть если «муж бросает» кого-то и если муж от кого-то уходит, то язык рассматривает такие вещи эквивалентным образом.

Сопоставимы по употребимости и конструкции с глаголами *бросить* и *уйти* и словом *муж* в позиции дополнения (такие контексты появляются раньше, с начала XX века):

видно, имела в мыслях, но дожидалась, как хорошая мать, пока дочь не выйдет замуж, выдала и через месяц уехала в Россию. [Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды//«Звезда», 2003]

уйти + жена (57 вхождений): – Слышала? От Петрова **ушла жена!** – Шутить? [Коллекция анекдотов: развод (1970–2000)] Gray, 2004.10.1221: 07. у меня в четверг **ушла жена...** вот сижу один в пустой квартире 4 день. [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)]

жена + бросить (17 вхождений): У меня, изволите ли видеть, большое сердце... и моя **жена бросила** меня... Бриллиантовые кольца на полу валяются... даже белья не взяла... беда... [Александр Асаркан. Булгаков. Мольер. 1966 (1990–2000)]

бросить + жена (18 вхождений): Меня **бросила жена**, а я выкрал нашего ребенка. [Александр Иличевский. Перс (2009)]

Напротив, в случаях, когда жена выступает в роли объекта, почти трёхкратное превосходство (58 вхождений против 21) имеет глагол *бросить*.

уйти от жены (18 вхождений): Василий Герасимович, полковник, партнёр по преферансу и по поездкам на рыбалку, всегда выручавший Дмитриева, переживал трагедию – **ушёл от жены**, просить его было неловко. [Юрий Трифонов. Обмен (1969)]

от жены уйти (3 вхождения): И что на этот раз? – **От жены ушел.** – Что так? [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)]

бросить жену (41 вхождение): **Бросил жену** – значит подлец и предатель, однозначно. [Татьяна Шохина. Он ушел, а я осталась (2002)//«Семейный доктор», 2002.07.15]; **Бросил жену** с двумя малолетками на руках еще в середине восьмидесятых, и ищут его через суд. [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)]

жену бросить (17 вхождений): – Кать, а говорят, этот ваш Кольцов **жену бросил**, правда? [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)]

Отдельного внимания заслуживает сочетаемость глаголов *уйти* и *бросить* с существительным *девушка*. Корпус не даёт достаточного материала, чтобы решить, какой из вариантов («девушка ушла» с 3 вхождениями или «девушка бросила» с 5 вхождениями) для языка предпочтительнее. Однако ясно, что «бросить девушку» (3 вхождения) более естественное высказывание, чем «уйти от девушки» (в корпусе не встречается).

Поиск по блогам с помощью Яндекса за неделю с 11.04.2012 по 17.04.2012 показал двукратный перевес в пользу «бросила девушка» (148 вхождений) перед «девушка ушла» (72 вхождения). ■■■■■ Вариант «ушла девушка» дал только 15 вхождений. На основании этого логично было бы предположить, что ситуация разрыва по инициативе жены и по инициативе девушки чаще оформляется разными глаголами.

Надо отметить, что глаголы ведут себя по-разному при описании одной и той же ситуации. С одной стороны, это разрыв по инициативе мужа: 1 а. муж + бросить/уйти, 1 б. бросить жену/уйти от жены. С другой стороны, разрыв по инициативе жены: 2 а. жена + бросить/уйти, 2 б. бросить мужа/уйти от мужа. Тем не менее, разница между употребительностью глаголов наблюдается только там, где в конструкции присутствует слово *жена*: 1 б и 2 а, но не там, где в качестве актанта выступает муж (1 а и 2 б).

Представим эти данные в виде таблицы.

	ушла	бросила
жена	S-P: 67 (из 106), P-S: 57 (из 66)	S-P: 17 (из 54), P-S: 18 (из 94)
девушка	S-P: 2, P-S: 1	S-P: 3 (не только молодого человека) P-S: 2

	ушёл	бросил
(от) жена	P-PR-O: 18 (3 inf, 3 futur), PR-O-P 3	P-Oacc: 41, Oacc-P: 17
(от) девушка	P-PR-O: 0, PR-O-P: 0	P-Oacc: 3, Oacc-P: 0

Таким образом, именно существительное, обозначающее лицо женского пола, влияет на выбор глагола в предложении. В русском языке жён обычно «бросают», а сами жёны обычно «уходят» (девушки наоборот – «бросают») в то время как конструкции с существительным муж равнозначны и статистически равновероятны.

Что всё это значит, совершенно непонятно.

На уровне языка ситуация с распределением рассматриваемых глаголов совершенно матриархальная, подлинное *cherchez la femme* в лингвистике. Это означает, что ни одно экстралингвистическое объяснение описанного явления не будет убедительным, а настоящая причина будет лежать в области лексической сочетаемости. И сочетаемость эта – со словом «жена». Жён бросают чаще, чем от жён уходят. При этом мужья бросают жён и уходят от них с одинаковой частотой.

Вероятнее всего, дело не обошлось без тайного заговора феминисток.

Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, или
О сочетаемости глаголов «бросить» и «уйти» на материале корпуса
Б. В. Орехов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

**«Pejskaři, jste hovada a prasata!»:
стратегии убеждения в чешских
письменных публичных обращениях
к владельцам собак**

Н. Н. Занегина

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

Филологу ничего не стыдно.

Анна Александровна Иванова,
филологический факультет МГУ, 1998 год

Не рекомендуется читать за столом.

0.

Считается, что в каждом втором домохозяйстве в Чешской Республике имеется собака. Выгуливание собак более или менее регулируется в городах: часть территорий парков, скверов и прочих подобных пространств помечена запрещающим знаком «Свободное передвижение собак без поводка запрещено», часть – аналогичным, но разрешающим знаком. Также имеются собственно собачьи площадки. Хозяин обязан убирать за своим животным, несоблюдение этого обязательства карается штрафом¹. Для облегчения соблюдения этого требования в парках и на улицах многих городов размещены стойки с бесплатными пакетами для сбора экскрементов (финансируется из ежегодного налога² на домашнее животное), также такие пакеты можно приобрести в зоомагазинах.

Однако несмотря на многолетнюю практику использования таких пакетов и общую сравнительную законопослушность чешских граждан (см. достаточно низкий уровень преступности в стране), некоторые владельцы собак по-прежнему не убирают за своими животными. Борьба

-----
1 Максимальный размер штрафа – 1000 крон, то есть 2000 руб. (по состоянию на 10.2014), см.: http://praha.idnes.cz/praha-bojuje-s-uklidem-ekrementu-po-psech-fj3-/praha-zpravu.aspx?c=A140201_2029257_praha-zpravu_bur

2 В размере 1500 крон, то есть 3000 руб. (по состоянию на 10.2014), см.: <http://www.praha6.cz/codelat/prihlaseni-k-mistnimu-poplatku-ze-psu-0400-003.html>

с этим явлением формально находится в зоне ответственности городских властей, но сознательные граждане также добровольно берут ее на себя. Поскольку у таких граждан отсутствуют возможности административного и другого подобного воздействия на нарушителей, основным средством становится превентивное языковое воздействие. Ниже рассмотрим способы такого воздействия.

I.

Материалом исследования

материалом исследования послужил корпус фотоснимков, сделанных автором в различных городах Чехии в 2010–2013 гг., а также найденных в интернете. На снимках запечатлены частные (неофициальные) объявления, обращенные к владельцам собак и призывающие убирать за своими питомцами или запрещающие собакам в прилегающем пространстве¹. ■■■■■ Объем корпуса – более 30 изображений.

Поводом для настоящего исследования послужила сравнительная частотность подобных объявлений. Короткие и более или менее стандартные по форме объявления часто повторяются (полностью или с изменением формата – шрифта, размера листа бумаги и т.п.), более риторически сложные обычно встречаются в единственном экземпляре.

2.

Для воздействия на нарушителя авторы объявлений используют следующие коммуникативные стратегии:

- стратегия запрета;
- стратегия ■■■■■ просьбы, в том числе формальной;
- стратегия информационного сообщения;
- стратегия проспективной благодарности;
- стратегия коллективного или официально-личного письма;
- стратегия оскорбления.

Все эти стратегии могут сопровождаться различными языковыми и внеязыковыми приемами. Рассмотрим приведенные выше стратегии на конкретных примерах.

---

¹ Пренебрежем различиями между этими двумя различающимися с точки зрения содержания типами объявлений как несущественными для данного исследования.

2.1. Стратегия запрета

Zákaz venčení psů. Выгуливать собак запрещено.

**ZÁKAZ
VENČENÍ PSŮ**

рис. 1

Представлена минималистичными прескриптивными объявлениями в формальном стиле, текст может сопровождаться изображениями, стилизованными под дорожные знаки. Типичный текст объявления такого рода – см. выше.

2.2. Стратегия просьбы

2.2.1. Стратегия формальной просьбы

Prosíme, nenechávejte močit své psy na naši popelnici! Пожалуйста, не позволяйте вашим собакам мочиться на наши мусорные ящики!

рис. 2

Представлена объявлением, написанным нейтральным (не официально-деловым) стилем с использованием глагола в форме повелительного наклонения, смягченного словом *пожалуйста*, но усиленного восклицательным знаком. Для

обозначения нежелательного действия выбрано нейтральное слово мочиться. Дополнительное воздействие оказывает оригинальное расположение объявления – на мусорном баке.

2.2.2. Стратегия просьбы с нарушением стилистических норм

*Prosíme chodte srát s vaším psem před váš dům.
Děkujete. Пожалуйста, ходите с вашей собакой срать перед вашим домом. Спасибо.*

рис. 3

Текст оформлен как вежливая просьба: начинается словом *пожалуйста*, заканчивается словом *спасибо*. В рамки этих слов вежливости помещена формально стандартная просьба, стандартность которой нарушается лексически (грубо – просторечным словом *срать*) и содержательно (предложением выгуливать собаку перед своим домом, имплицитно содержащим просьбу не делать это перед данным домом). Повтор местоимения «ваш» ■■■■■ (в сочетании «с вашей собакой» слово «ваш» в данном тексте факультативно) акцентирует внимание адресата на том, что свои проблемы необходимо решать своими силами, не затрагивая интересы постороннего.

2.3. Стратегия информационного сообщения

Zde nejsou záchody pro psy!!! Здесь нет туалета для собак!!!

рис. 4

Стратегия представлена объявлением с текстом повествовательного типа (констатируется факт отсутствия в указанном месте туалетов для собак), высоко эмоционально окрашенного с точки зрения интонации (три восклицательных знака), но неэмоционального с лексической точки зрения. Интересующая нас просьба представлена в тексте имплицитно (если здесь нет туалета, то собаки не должны вести себя здесь как в туалете либо хозяева должны убрать за ними, чтобы не оставалось следов туалета). [REDACTED] Дополнительное средство воздействия – апелляция к антропоцентрической картине мира и наложение этой картины мира на жизнь собак (в виде скрытого допущения наличия в другом месте туалета для собак).

2.4. Стратегия проспективной благодарности

2.4.1. Проспективная благодарность в официально-деловом стиле

*Vážení spoluobčané, děkujeme za pochopení!
Chodte si srát se svými psy ke svému vlastnímu domu! Уважаемые сограждане, благодарим за понимание! Ходите со своими собаками срать к своему дому!*

рис. 5

Текст представляет собой оформленную в официально-деловом стиле благодарность за действие, которое адресат совершит в будущем. Имплицитный смысл такой благодарности – уверенность в том, что такое действие будет совершено, что оказывается равно просьбе совершить такое действие. В данном случае от адресата ожидаются два действия: [REDACTED] 1) выгуливание собаки перед своим (а не чужим, не данным домом), 2) понимание, что при невыполнении первой просьбы собака может быть употреблена в пищу. В качестве основного средства воздействия на адресата здесь используются контраст и его частный случай – эффект обманутого

ожидания. Так, очень формальное обращение уважаемые сограждане и стандартная при официальных объявлениях формула благодарности благодарим за понимание резко контрастируют с грубым именованием обсуждаемого действия — срать. [REDACTED] Изображение последствий невыполнения этой просьбы в виде схемы «действие → его следствие» весьма наглядно и убедительно, при этом следствие оказывается гипертрофированно жестоким (убийство в ответ на несоблюдение порядка) и не принятым в европейской культуре (в которой собак не едят), что не может не способствовать сильному эмоциональному воздействию объявления.

2.4.2. Проспективная благодарность в нейтральном стиле

Děkujeme všem pejskařům, že nenechávají močit své miláčky na náš dům. Благодарим всех владельцев собак за то, что не позволяют своим любимцам мочиться на наш дом.

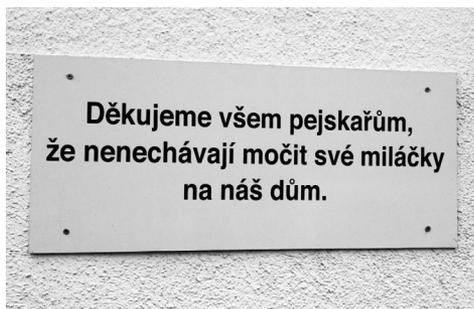

рис. 6

Текст объявления оформлен в менее официальном стиле, чем в предыдущем случае: к владельцам собак обращаются не как к гражданам, взывая к их гражданской ответственности, а как к любителям собак, а самих собак называют сравнительно ласково <домашними> любимцами. Дополнительные средства воздействия не используются.

2.5. Стратегия письма

2.5.1. Стратегия коллективного письма

*Páníčkové! Vaší spoluobčané se na nás zlobí. Kvůli vám! My za to nemůžeme! Prosím sbírejte po nás exkrementy! Za všechny psy, Alík
Хозяева! Ваши сограждане на нас сердятся. Из-за вас! Мы тут ни при чем! Пожалуйста, убирайте за нами экскременты! От имени всех собак, Алик*

рис. 7

Для воздействия на адресата может использоваться необычный автор послания. Так, в данном объявлении на беспорядок жалуются не соседи владельцев собак, а сами собаки, причем от имени всех собак (коллективное письмо) к хозяевам обращается пес по кличке Алик. Письмо написано в интимно-домашней стилистике (на нас сердятся, мы тут ни при чем), с использованием эмоционально окрашенных предложений (четыре предложения из шести заканчиваются восклицательным знаком) и парцелляции (Из-за вас! Мы тут ни при чем!). Такой текст, во-первых, нейтрализует возможное неприятие официальных просьб и указаний, а во-вторых, использует любовь хозяев к своим питомцам, предлагая соблюдать чистоту не из уважения к согражданам, а из любви к своему животному.

В качестве дополнительного средства воздействия используется оригинальное место расположения (дерево).

2.5.2. Стратегия официального письма от Я-адресанта

<Чешский оригинал см. ниже на рис. 8>

**Мне очень жаль, но
СОБАЧЬИ ЭКСКРЕМЕНТЫ**

были обнаружены на первом этаже нашего дома на прошлой неделе. Наши прекрасные уборщицы отказываются убирать это без дополнительной оплаты, и в этом нет ничего удивительного.

Чтобы по дому можно было пройти без опасения наступить на что-то мягкое, похоже, придется

обязать наших уборщиц проводить дефекализацию помещения. Доплату за это должны будут разделить между собой владельцы четвероногих любимцев (я, например, до сих пор всегда успевал добежать до туалета). Если же дело дойдет до спора о том, чей же пес это сделал (а до споров, конечно, дойдет), то, думаю, можно:

– за собственные средства сделать анализ ДНК, все собаки должны будут сдать свой материал (слюни с морды), и все будет ясно;

– или поймать виновника прямо в процессе и позвать свидетелей...

Мы избежим этого абсурда, если все владельцы собак будут следить за своими животными и не позволять им совершать эти противозаконные действия. Все мы будем закрывать дверь в подъезд, чтобы чужие бродячие псы сюда не заходили.

Пока никаких действий не предпринимаем, но если это повторится, будем разбираться.

2 октября 2008 года

Je mi líto, ale:

PSÍ EXKREMENTY

byly minulý týden objeveny v našem domě a to v suterénních prostorách. Naše sčelá úklidová služba tyto nechce bez příplatku uklízet a ani se jí nedivím.

Aby se po domě dalo pohybovat bez nebezpečí šlápnutí do něčeho měkého, budeme asi muset naši úklidovou službu pověřit, aby za patričný obolus prováděla defekalizaci prostor. O vícenáklady by se měli svorně podělit majitelé čtyřnohých miláčků (já to na WC doposud vždy stihnul). Pokud dojde ke sporům či pes to vlastně udělal (a to asi dojde), je určitě možno:

- si na vlastní náklady nechat udělat analýzu DNA, všichni pejsci odevzdají vzorek (výtěr z mordy) a vše bude jasné...
- nebo je třeba chytit viníka rovnou při aktu nejlépe za oháňku a přivolat svědky...

Tého absurdnosti budeme ušetřeni, pokud pejskaři na svá zvířátka řádně dohlédnou a nedopustí jim dělat tyto nekalé věci. My všichni budeme zavírat domovní dveře, aby se cizí, potulná zvířata nedostala dovnitř. Zatím se vlastně nic neděje, ale v případě opakování se to fakt bude muset nějak řešit.

20. října 2008

рис. 8

Текст представляет собой довольно подробное письмо, написанное от лица старшего по дому, с рассуждением о том, кто мог бы оплатить дополнительную работу – уборку следов собачьей жизнедеятельности. Серьезно описывается довольно абсурдная схема обнаружения виновника и, следовательно, будущего плательщика, после чего автор, воспользовавшись принципом обманутого ожидания, сам характеризует собственные слова как абсурдные, переходя от шутки к довольно реалистичной просьбе, обращенной к владельцам собак (все владельцы собак будут следить за своими животными и не позволять им совершать эти противозаконные действия). ■■■ При этом виновникам оставляют шанс исправиться (Пока никаких действий не предпринимаем, но <в следующий раз...>). На протяжении всего текста автор старательно избегает обвинений или угроз в адрес виновников.

Такое длинное, хотя и юмористическое, местами абсурдное послание прочитает не каждый, но зато прочитавший должен посмотреть на происходящее со стороны и осознать свою неправоту.

2.6. Стратегия оскорбления

Pejskaři, jste hovada a prasata! Собачники, вы скоты и свиньи!

рис. 9

Текст состоит из обращения к владельцам собак и двух пейоративных наименований (скоты и свиньи). Автор не поясняет, что послужило поводом для подобной инвективы, предполагая, что адресат сам знает (или легко догадается), за что он может быть ей подвергнут, а потому или тем самым понесет заслуженное наказание (за то, что не убрал за своей собакой), или не допустит со своей стороны действий, за которые может быть подобным образом вербально наказан (уберет за своей собакой). Подобный текст мог появиться в том случае, если автор (пострадавшая от действий или бездействия владельцев собак сторона) уже не надеется на результативность официальных или вежливых обращений.

Вся предыстория отношений автора и адресата представлена имплицитно.

Дополнительным средством воздействия является оригинальное место расположения объявления: оно воткнуто в землю на газоне, где часто выгуливают собак.

3.

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы. Чтобы убедить владельцев собак следить за своими питомцами, чешские авторы используют попытки потребовать соблюдения правил, попытки запугать (обещанием неприятных последствий от несоблюдения требования), сразу благодарят за выполнение просьбы (тем самым как бы не допуская ситуации невыполнения), сообщают о своем недовольстве от предыдущих невыполненных аналогичных просьб или сразу переходят к инвективам, не надеясь на конструктивное сотрудничество.

С языковой точки зрения используется намеренно официальный или намеренно неофициально-бытовой (интимно-домашний или грубо-сниженный) стиль, часто используют юмор, стараясь таким образом привлечь собеседника на свою сторону [REDACTED] и заставить посочувствовать автору/понять его, включают в текст изображения или размещают объявление в оригинальном месте (на мусорном баке или на газоне).

На следующем этапе исследования было бы полезно провести полевой эксперимент: в выбранном месте с высокой собакопроходимостью в течение одинаковых промежутков времени размещать разные таблички с текстами разных стратегий воздействия и фиксировать эффективность каждой из них, чтобы эмпирически установить наиболее эффективную стратегию воздействия на носителя чешского языка.

P. S. За много дней, проведенных на улицах чешских городов, автор и его обувь лишь пару раз пострадали от нечистоплотных собаководовладельцев, что, впрочем, является заслугой не столько собственно чистоплотных владельцев, сколько бдительности автора.

«Pejskaři, jste hovada a prasata!»: стратегии убеждения в чешских письменных публичных обращениях к владельцам собак
Н. Н. Занегина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Третье чтение

Александр Ильич Ульянов —
защитник Пушкина?

К. Ю. Зубков

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН

Если читатель, прочтя название статьи,
решил, что оно дано в шутку, то он ошибся¹.

А. И. Рейтблат. Пушкин-гимнаст

Одним из наиболее одиозных деятелей русской журналистики середины 19 века был С. О. Бурачок, издатель журнала «Маяк», выходявшего в первой половине 1840-х гг. Руководствуясь в своей практике понятиями в архиконсервативном духе идеалами православия, он воспринимал почти все события современной ему российской истории и почти все произведения современной ему русской литературы, даже созданные в крайне консервативном духе, как исполненные безнравственности и атеизма. С точки зрения Бурачка, ни этических, ни эстетических достоинств нельзя было найти в сочинениях не только М. Ю. Лермонтова, но, например, В. А. Жуковского или И.-В. Гете. Более того, издатель «Маяка», видимо, искренне не видел никакой принципиальной разницы между произведениями этих авторов. Издававшийся Бурачком журнал обычно не вызывал никакой литературной полемики, поскольку большая часть литераторов считала унизительным полемизировать с мнениями «Маяка». Среди многочисленных отзывов о Бурачке и его литературной позиции известны презрительные комментарии В. Г. Белинского. Впрочем, схожее отношение «Маяк» вызывал даже у Ап. А. Григорьева, отличавшегося далеко не либеральными воззрениями. В 1861 г. Григорьев вспомнил давно забытый «Маяк» и посвятил ему статью с выразительным названием «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия».

---

¹ Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 291.

В силу крайне своеобразных интересов редакции, лишь очень немногие материалы из «Маяка» обсуждались литературной критикой своего времени: тем для обсуждения с Бурачком у критиков не оставалось. На этом фоне выделяется помещенный в журнале цикл статей А.М. Мартынова при участии Бурачка «Подробный обзор стихотворений А.С. Пушкина» (1843), посвященных «Сочинениям» Пушкина — изданию, вызвавшему знаменитый цикл статей Белинского. Последняя из этих статей помещена в 21 номере журнала за этот год. В ней (как, впрочем, и в других статьях цикла) доказывается, что Пушкин «только искусный стихотворец, большею частью заблуждавшийся с своим дарованием по следам мишурной эстетики и пока ничего не произведший великого, бессмертного. Скоро, скоро умрут его безжизненные, мишурные произведения»¹. [REDACTED] Разумеется, серьезной полемики с Мартыновым ни один из критиков не вел — его общие эстетические принципы настолько расходились с «горизонтом ожидания» критиков 1840-х гг., что всерьез воспринимать его статьи этим критикам не удалось. Мартынов вообще не интересовался никакими романтическими теориями искусства, понятия «художественность» и «народность» трактовал в крайне специфическом ключе, а главное — не признавал эстетическую автономию произведения искусства, а потому считал возможным, например, бескомпромиссно осуждать автора как вредного и безнравственного, если какое бы то ни было суждение, высказанное им или его героями, не соответствовало прописной морали. Мартынов, судя по всему, тоже не понимал позицию своих оппонентов, которые, например, полагали, что поэт может писать от лица условного субъекта, не совпадающего с автором. Однако на некоторых читателей его статьи все же произвели сильное впечатление.

Полная подборка номеров «Маяка» сохранилась в Российской национальной библиотеке, куда эти номера поступили сразу же после их появления. На последней странице последней статьи Мартынова в библиотечном экземпляре стоит карандашная помета в старой орфографии:

Вывод статьи следующий: каждый порядочный человек дал бы Вам, г-н Мартынов, пощечину! Вы указываете на уродливость и бледность в произведениях Пушкина!!!

Под этой пометой находится подпись чернилами:

Саша Ульянов¹

---

1 Маяк. 1843. Кн. 19. Гл. IV. С. 33.

Мы затрудняемся определить, одной ли рукой написаны приписка и подпись. Впрочем, даже если писали разные читатели журнала, несомненно, что «Саша Ульянов» решил «лайкнуть»² гневный комментарий.

Конечно, однозначно установить, кем был негодующий читатель (или читатели), затруднительно: ни имя его, ни фамилия не относятся к числу редких. Очевидно, впрочем, что читатель этот увлекался литературой, был склонен оценивать литературно-критические выступления по критериям нравственности, придерживался жесткой этической системы, в которой некая корпорация «порядочных людей» должна была защищать Пушкина от любого хулителя. Все эти причины дают возможность предположить, что автором приписки был самый известный в русской истории Саша Ульянов — террорист-народоволец и родной брат В.И. Ульянова-Ленина. ██████████ В студенческие годы А.И. Ульянов жил в Петербурге; как почти любой петербургский студент (и как его младший брат), посещал Публичную библиотеку, был членом Научно-литературного общества под руководством профессора О.Ф. Миллера, известного специалиста по русской литературе и был, судя по всему, типичным народником, то есть человеком, вообще склонным судить об окружающей реальности в рамках очень упрощенных противопоставлений «черного» и «белого». Если именно он в негодовании посулил Мартынову пощечину, то сделано это было в сер. 1880-х гг., когда Ульянов был петербургским студентом. Конечно, это предположение остается совершенно не обязательной гипотезой и в качестве таковой должно рассматриваться далее.

Если автором приписки действительно был А.И. Ульянов, она проливает свет на восприятие литературы русским радикалом конца XIX в., не занимавшимся специально литературой. Вообще сознание русского интеллигента-радикала во многом определялось литературными моделями³, однако его представления о смысле

---

1 См.: Маяк. 1843. Кн. 21. Гл. IV. С. 145.

2 На это выражение нас натолкнуло обсуждение обнаруженной нами приписки в аккаунте Facebook Н. Г. Комелиной.

3 См. об этом на материале произведений и биографий представителей радикального лагеря разных десятилетий: *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1995; *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века. М., 1999.

и содержании литературных произведений могли сильно варьироваться. Одной из наиболее характерных черт типичного литературного «нигилиста», начиная с тургеневского Базарова, было презрительное отношение к классической русской литературе, воплощением которой для русского читателя был, конечно, Пушкин. Как и руководствовавшийся совершенно другими идеями Мартынов, «нигилисты» обычно осуждали Пушкина из этических соображений: он воспринимался как «бесполезный» писатель, не посвящавший произведений анализу социальных проблем. ■■■■■ Разумеется, наиболее известным среди выступавших против Пушкина «реалистов» был Д.И. Писарев, в статье «Пушкин и Белинский» (1865) выдвинувший против Пушкина множество резких обвинений именно на основании этических соображений:

«Позвольте, господин Пушкин, — скажут мыслящие реалисты, — какие же добрые чувства вы пробуждали? Привязанность к друзьям и товарищам детства? Но разве же эти чувства нуждаются в пробуждении? Разве есть на свете такие люди, которые были бы неспособны любить своих друзей? И разве эти каменные люди, — если только они существуют, — при звуках вашей лиры сделаются нежными и любвеобильными? — Любовь к красивым женщинам? Любовь к хорошему шампанскому? Презрение к полезному труду? Уважение к благородной праздности? Равнодушие к общественным интересам? Робость и неподвижность мысли во всех основных вопросах мирозерцания? Лучшее из всех этих добрых чувств, пробуждавшихся при звуках вашей лиры, есть, разумеется, любовь к красивым женщинам. В этом чувстве действительно нет ничего предосудительного, но, во-первых, можно заметить, что оно достаточно сильно само по себе, без всяких искусственных возбуждений; а во-вторых, должно сознаться, что учредители новейших петербургских танц-классов умеют пробуждать и воспитывать это чувство несравненно успешнее, чем звуки вашей лиры. Что же касается до всех остальных добрых чувств, то было бы несравненно лучше, если бы вы их совсем не пробуждали»¹.

---

1 Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 7. М., 2003. С. 313.

Подход к литературе Писарева и Мартынова схож только своей бескомпромиссностью: идеологическая крайность обоих такова, что не позволяет им рассуждать о произведениях литературы как автономных от социальной действительности. Вообще признание автономии эстетической формы в культуре XIX века подразумевало, вероятно, определенную идеологическую умеренность: чем радикальнее критик был «правым» (как Мартынов) или «левым» (как Писарев), тем меньше он был склонен придавать внимание специфике литературы¹. Впрочем, подобное отношение к Пушкину разделяли далеко не все «книжники» (стоит вспомнить хотя бы полемику об искусстве Писарева [REDACTED] с М.А. Антоновичем). Переломным моментом стало, вероятно, торжество, посвященное открытию памятника Пушкину (1880)². В этот момент Пушкин окончательно оказался во главе литературного пантеона даже для подавляющего большинства радикалов.

---

¹ Значимым исключением оказывается К. Н. Леонтьев, политический радикализм которого выводился из эстетических идей (см.: *Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы*. М., 1999. С. 263–397). В этом смысле Леонтьев был своего рода «Писаревым наоборот»: если Писарев судил об искусстве исключительно на основе социальной действительности, то Леонтьев судил об окружающем социуме как о произведении искусства.

² См. о торжествах: *Левитт М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года*. СПб., 1994.

В приписке Ульянова характерна типичная для рассуждающего о литературе радикала апелляция к «порядочности», то есть категории этического порядка. Однако по степени решительности своих рассуждений автору приписки далеко до Писарева: упоминание о пощечине критику, поднявшему руку на Пушкина, конечно, не может сравниться с созданием статьи, претендующей на разрушение литературной репутации Пушкина. Если создавший приписку Саша Ульянов и А.И. Ульянов – одно лицо, то здесь возникает любопытный парадокс. В смысле политической деятельности Писарев, написавший всего одну собственно революционную статью, конечно, намного менее радикален, чем казненный за подготовку цареубийства террорист. Однако в эстетической теории «нигилист» 1860-х гг. был значительно более решителен, чем революционер 1880-х гг.

Ф.М. Киселин

«О «Большой элегии Джону Донну»
(1963) Иосифа Бродского»

Публ. П. Ф. Успенского

Феоктист Миронович Киселин в филологическом мире был фигурой примечательной во многих отношениях. Он родился в 1986 г. в городе Опочка (Псковская область). С детства проявлял любовь к литературе и языкам, в 10 лет зачитывался Гумилевым, в 12 – знал почти все стихи Пушкина наизусть, а в 16 лет мечтал создать основательный труд, посвященный поэтике Набокова. Судьба привела его на филологический факультет Московского университета (именно там я с ним и познакомился на одном из спецсеминаров). В Университете Киселин временно оставил русскую литературу ради европейской. Круг его научных интересов расширился: курсовые работы он писал о Рильке, Элиоте и Валери, а его блестяще защищенный диплом был посвящен влиянию Стерна на поэтику Пруста. Старшие коллеги пророчили ему большое будущее. Неожиданно написанной параллельно с дипломом полушуточной статейке о религиозных поисках Твардовского никто не придал особого значения.

С 2009 г. Киселин учился в аспирантуре. Он расширил тему диплома и занимался влиянием Стерна на европейскую литературу первой половины XX в. Зарабатывал деньги переводами. Жил уединенно, большую часть времени проводя в библиотеке. Диссертация его продвигалась медленно, поскольку с 2011 г. ученый (как это «сплошь да рядом бывает у нас с людьми науки») увлекся толкованием воронежских стихов Мандельштама.

В 2013 г. в мировоззрении Киселина произошел перелом. Симпатизируя оживлению гражданского общества, он тревожился из-за изменений в культурной и научной политике. Как умный человек он прекрасно понимал, чем все кончится. И тогда он решил сделаться государственным и почвенником. Это решение далось ему нелегко, но, с его точки зрения, оно обеспечивало возможность остаться в науке (он справедливо предвидел, что почвенническая филология никуда не денется).

Ходили слухи, что он вел переговоры о трудоустройстве в архиве Горького, говорили, что он хотел написать монографию о Демьяне Бедном. Я не знаю, правда ли это. Знаю, что в начале 2014 г. он задумал разоблачающую книгу о Бродском, книгу журналистскую, патетичную. Хотел посвятить ее министру культуры. Думал распространять ее у станций метро (ее бы предлагали со словами: «Хотите знать настоящую правду о Бродском?»). Ее фрагменты он неожиданно мне прислал по почте, один из них публикуется ниже. Не думаю, что текст интересен с филологической точки зрения, – он скорее показателен.

В марте 2014 г. Киселин, уже убежденный почвенник, уже искренне верящий в особый путь России и дополнительную русскую хромосому, отправился в Севастополь. Там, в разгаре торжеств, он неожиданно умер – отравился праздничными чебуреками, к которым испытывал необъяснимую и, как оказалось, роковую тягу.

«О «Большой элегии Джону Донну» (1963) Иосифа Бродского»

«... Бродскому был свойственен имперский размах. Кому еще из поэтов придет в голову называть элегию – «большой»? К чему это? Верно, читатель сам не догадается, что элегия большая. «Маленькая», – подумает. Рассчитывал Бродский так: назову свою элегию «большой», все будут думать, что написал ее большой поэт. Не вышло. Стихи утомительны, скучны. Их содержание можно было бы уложить в 15, от силы – 20 строк. Давайте честно признаемся: невозможно прочитать эту элегию, не пропустив 40–60 строчек.

Не секрет, что перечисления гипнотизируют читателя. Это старинная техника, в чем-то похожая на 25-й кадр. Перечисления вводят читателя в транс, и в этом состоянии полуусыпленное сознание особо подвержено эмоциональному воздействию. Прекрасно известно, что эту технику использовали в гестапо. Фашисты применяли ее к русским военнопленным на допросах. Как мы видим, использовал

ее и Бродский. Именно поэтому, кстати, «Большая элегия» до сих пор циркулирует в сети Интернет и пользуется популярностью у либералов.

Зачем же понадобилась гипнотическая техника нобелевскому лауреату? Я не ошибусь, если скажу, что так называемый поэт хотел подвергнуть сомнению духовный путь России. Во-первых, текст посвящен Джону Донну, талантливому представителю английской поэзии конца XVI–XVII вв. На Запад ориентировался поэт Бродский, писал для западного читателя. Ничто не мешало ему написать стихи о Симеоне Полоцком, русском барочном поэте, старшем современнике Донна, творчество которого, по мнению многих экспертов, оставляет позади так называемую английскую метафизическую школу. Важный аргумент: сами английские филологи признают, что Донн был гомосексуалистом (скорее всего – латентным). А Симеон Полоцкий написал для царских детей «Житие и учение Христа Господа и Бога нашего», укрепив в них нравственность и благочестие.

Во-вторых, давайте внимательно вчитаемся в то, что говорит душа Джона Донна в стихотворении: «Ну, вот я плачу, плачу, нет пути. / Вернуться суждено мне в эти камни. / Нельзя прийти туда мне во плоти. / Лишь мертвой суждено взлететь туда мне». Нехитрая рифма «камни» – «туда мне» маскирует возмутительное содержание этих строк: душа человека, согласно Бродскому, может умереть. Не сомневаюсь, если бы Бродский дожил до наших дней, он бы поддержал варварскую свистопляску трех кощунниц в храме Христа Спасителя (некоторые из них, кстати, недавно ездили в Америку ██████████ – туда, где жил Бродский после малодушного бегства из страны).

Разложение духовной морали, приобщение европейским мнимым ценностям – вот основная цель, преследуемая поэтом. Но ладно бы Бродский это все придумал сам. Ведь он нагло передернул, бесстыдно позаимствовал идею у великого русского писателя Ивана Тургенева, облик которого в человеческом плане до сих пор вызывает сомнения, но творения которого определенно находятся в национальной копилке русских шедевров, определивших, кстати, всю европейскую литературу XX века.

В романе «Новь» (1877), в котором, к слову, гениально изображаются некоторые тупиковые стремления русской интеллигенции изменить общество, приводится такое стихотворение:

СОН

..Все спит кругом: везде, в деревнях, в городах,
В телегах, на саниах, днем, ночью, сидя, стоя...
Купец, чиновник спит; спит сторож на часах,
- Под снежным холодом и на припеке зноя!
- И подсудимый спит, и дрыхнет судия;
Мертво спят мужики: жнут, пахут - спят; молотят -
Спят тоже; спит отец, спит мать, спит вся семья..
Все спят! Спит тот, кто бьет, и тот, кого колотят!
Один царев кабак - тот не смыкает глаз;
И, штоф с очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полус упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!

Ничего не напоминают эти стихи? «Конечно, - воскликнет читатель, - это же начало «Большой элегии...»!». И будет прав. Действительно, это начало пресловутого стихотворения Бродского. И не только начало:

Джон Донн уснул, уснуло все вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
уснули стол, ковры, засовы, крик,
весь гардероб, буфет, свеча, гардины.
Уснуло все. Бутылка, стакан, тазы,
хлеб, хлебный нож, фарфор, хрусталь, посуда,
ночник, бельё, шкафы, стекло, часы,
ступеньки лестниц, двери. Ночь повсюду.
<..>
Уснуло все. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть
ее конек. И весь квартал во сне,
разрезанный оконной рамой насмерть.

Уснули арки, стены, окна, всё.
Булыжники, торцы, решетки, клумбы.
Не вспыхнет свет, не скрипнет колесо...
Ограды, украшения, цепи, тумбы.
Уснули двери, кольца, ручки, крры,
замки, засовы, их ключи, запоры.
Нигде не слышен шепот, шорох, стук.
Лишь снег скрипит. Все спит. Рассвет не скоро.

<..>

Уснуло всё. Лежат в своих гробах
все мертвецы. Спокойно спят. В кроватях
живые спят в морях своих рубах.
По одиночке. Крепко. Спят в объятьях.
Уснуло всё. Спят реки, горы, лес.
Спят звери, птицы, мертвый мир, живое.
Лишь белый снег летит с ночных небес.
Но спят и там, у всех над головой.

<..>

Джон Донн уснул. Уснули, спят стихи.
Все образы, все рифмы. Сильных, слабых
найти нельзя. Порок, тоска, грехи,
равно тихи, лежат в своих силлабах.

<..>

Уснуло всё. Спят крепко толпы книг.
Спят реки слов, покрыты льдом забвенья.
Спят речи все, со всею правдой в них.
Их цепи спят; чуть-чуть звенят их звенья.

Стихи одного из героев романа Тургенева, конечно, несколько перебарщивают в оценке происходящего тогда на родине. Но какая в них искренность, какая неподдельная боль за происходящее в стране, какое возмущение перегибами царизма! И вот Бродский, человек уже другого века, уже избавленный от ужасов царизма, берет и не скрывая переписывает стихотворный текст из «Нови»! Тургеневский реализм заменяется западной метафизикой, то, что в «Нови» было четко и ясно сформулировано, — бесконечно растягивается, избыточность эта не помещается в сознании читателя, начинается гипноз.

«Подтекст!» — воскликнет либеральный филолог, получающий гранты на Западе. Нет, дорогие мои, вовсе не подтекст (термин, к слову, введенный в оборот американским славистом). Не подтекст, а бесстыдное переписывание кровного и завоеванного отечественной классикой литературного наследия...

~~Не впадаем в оравитиопрееурбавляе
«Большая элегия Джону Донну» (1963) Иосифа Бродского~~

Наш разговор о раннем стихотворении Бродского «Большая элегия Джону Донну» демонстрирует, что пописывающий стишки человек, несомненно, был лишен не только художественного таланта, но и дополнительной русской хромосомы. В поздних стихах это проявляется еще отчетливее, бандеровец наконец-то срывает свою фальшивую маску... <...>

Ф.М. Киселин
<О «Большой элегии Джону Донну» (1963) Иосифа Бродского>
Публ. П. Ф. Успенского

Изумрудов. Об одной вольной шутке Владимира Набокова¹

К. А. Головастикова

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

В романе Владимира Набокова «Бледный огонь» («Pale Fire», 1962), в примечании к 741-й строке одноименной поэмы Джона Шейда комментатор Чарльз Кинбот упоминает персонажа, которому суждено появиться в тексте лишь для того, чтобы с окончанием абзаца исчезнуть навсегда:

«То был веселый, и может быть слишком, молодчик в зеленой бархатной куртке. Его никто не любил, но и в остром уме никто ему не отказывал. Фамилия его, Изумрудов, отзывалась чем-то русским, но означала на деле „из умрудов“, т. е. из племени самоедов, чьи умиаки (шкуряные челны) бороздят порой смарагдовые воды у наших северных берегов»².

---

¹ Знаниями об устройстве и смысле «Бледного огня» и его месте в набоковском творчестве я обязан глубоким работам Присциллы Мейер (*Meyer P. Find What the Sailor Has Hidden: Vladimir Nabokov's «Pale Fire»*. Middletown, 1988. = Мейер П. Найдите, что спрятал матрос: «Бледный огонь» Владимира Набокова. М., 2007), Дональда Бартона Джонсона (*Johnson D. V. Worlds in regression: Some Novels of Vladimir Nabokov*. Ann Arbor, 1985. = Джонсон Д. В. Миры и антимиря Владимира Набокова. СПб, 2011), Брайана Бойда (*Boyd V. Nabokov's «Pale Fire»: The Magic of Artistic Discovery*. Princeton, 1999), Пекки Тамми (*Tammi P. «Pale Fire» // The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York & London. P. 571–585) и других набоковедов. Мое маленькое и веселое исследование стоит считать лишь необязательным дополнением к их работам. Я искренне благодарен Александре Зеркалевой, чей смех подсказал мне идею этой статьи.

² В оригинале: «He was a merry, perhaps overmerry, fellow, in a green velvet jacket. Nobody liked him, but he certainly had a keen mind. His name, Izumrudov, sounded rather Russian but actually meant „of the Umruuds,“ an Eskimo tribe sometimes seen paddling their umyaks (hide-lined boats) on the emerald waters of our northern shores». Все цитаты из «Бледного огня» даются в переводе Сергея Ильина и Александры Глебовской.

Роман Набокова построен как большой комментарий, поэтому этимологическое толкование фамилии Изумрудова — это примечание в примечании. ■■■■■■■■■■ Впрочем, оказывается, что оно, как и кинботовский комментарий в целом, скорее запутывает читателя, чем что-то проясняет. И действительно, вряд ли кому-то что-то скажет слово *умруды*: это выдуманная народность (очевидно, она обитает в Земле, таинственной стране, чьим изгнанным королем считает себя Кинбот).

Во-вторых, земблянина Изумрудова действительно можно принять за русского: читатель Набокова американского периода, даже не знающий иного языка, кроме английского, наверняка догадывается (хотя бы по имени на обложке), что некоторые русские фамилии кончаются на -ов. Однако профессор Кинбот (как нам сообщает Шейд, «автор замечательной книги о фамилиях») больше внимания уделяет не внешней форме слова, а лексическому значению корня, словно ориентируясь на знатоков обоих языков. Он объявляет верным толкование через выдуманный этноним, а толкование неверное (от русского слова *изумруд*) отмечает, но даже не приводит. Испушенный читатель уже знает, что Кинбот прячет от него параллель между политическим противником земблянского короля Изумрудовым и его университетским обидчиком Геральдом Эмеральдом (*emerald* значит 'изумруд'; русское и английское слово этимологически родственны). Кинбот полубессознательно, полунамеренно выбалтывает свою тайну: и слово *emerald*, и напоминающее об имени Эмеральда слово *herald* встречаются в том же абзаце, а тождество земблянского и американского недругов монарха-профессора подчеркивается зеленым цветом их одежды. Точно так же повествователь отрицает русское происхождение фамилии Изумрудова и тут же объясняет его через русскую грамматику: «of the Umruds» значит «из умрудов» именно по-русски. Этот парадокс приобретает смысл, если мы вспомним, что Кинбот — на самом деле не беглый король, а русский эмигрант, безумец Боткин.

Итак, в одном абзаце английского текста Набоков сразу несколько раз подмигнул образованному русскому читателю. Таковому наверняка уже встречались каламбурные приемы, использованные писателем. Во-первых, это составление известного слова из двух других, этимологически не родственных исходному. Переделки пушкинских строк, вроде *Сосна* (вместо *со сна) *садится в ванну со льдом*, или *Слыхали львы?*.. (вместо *ль вы) известны каждому (критики называли это явление авторской глухотой, уче-

ные списывали на «единство и тесноту стихового ряда»). Во-вторых, это немотивированное предпочтение «нормальному» слову «заумного». Например, критик Андрей Шемшурин читал строки Брюсова как *Среди вспененных боемструй* (*боем струй) или *Но, покоряясь Рокуреки* (*Року, реки)¹.

Предела оба приема достигли в так называемой сдвигологии Алексея Крученых. Между прочим, выискивая «сдвиги» в стихах поэтов, он находил не только заумные или забавные ■■■■■■ (*Незримый хранитель могу-чемодан, Сплетяху лу сосанною, Поэ тумир номудовас*), но и откровенно непристойные. Так, Крученых приводит блоковские и гумилевские строки без обычного для себя разъясняющего комментария, словно стесняясь ассоциаций, которые сам же и подчеркивает: *Утек, подлец! Ужо постой!; И бац — растянулась!; Ствол иссохнет, как они; Жилы медленнее бьются; И купы царственные ясени и бук <так!>*².

В соседних строках Крученых ограждает Пушкина от критики («отдаленнейший намек на смешной сдвиг его отпугивал»), однако многозначительно дает понять: «Впрочем,> шаловливые сдвиги были и у него»³. Им Крученых посвятил отдельную книгу, в которой уже не жалел классика. Рядом с хрестоматийными сосной и чемоданом там появляются строки *Пока коней мне запрягали; Придвинь же пенистый стакан; И бокалы все в окно; Двоится штоф с Араком;* («саракон или, при плавном чтении, штофса раком! — В самом деле, двоится!...», — язвит Крученых). Зачин строки *К окну Онегин подошел* позднее перекочет в анекдот про поручика Ржевского. Крученых с удовольствием цитирует стихи, тогда с легкой руки Брюсова считавшиеся подлинными пушкинскими: *День блаженства настоящий/Дева вкусит наконец./Час пробьет и <на стоящий>/Дева сядет <на конец>; Мы наслаждение удвоим/И в руки взявши свой <уд, воем>; Дева, ног <не топырь,>/Залетит нетопырь!*⁴.

Крученых же считается автором второго по популярности злонамеренного прочтения Пушкина: *Войну и бал, дворец*

---

¹ Гаспаров М. Л. «Боемструй»: синтаксическая теснота стихового ряда // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой: Сб. статей. М., 2003. С. 349–360.

² Крученых А. Сдвигология русского стиха: Трактат обижальный. М., 1922. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Крученых А. 500 новых острот и каламбуров Пушкина. М., 1924. С. 17–21 и далее.

и хату¹. Поразительно, однако, что в его книгах не встречается самого популярного: строки Ядра – чистый изумруд, многократно повторенной в «Сказке о царе Салтане», а в народе разошедшейся в виде Я – дровичистый изумруд.

Эта фольклорная шутка, однако, может быть вполне серьезным набоковским подтекстом. В ней использовано то же слово – изумруд, и тот же прием – расщепление на составляющие². И лексемы дровичистый, и лексемы умруд в русском языке нет, они лишь имитируют внешние морфологические признаки русских слов, а о своей семантике позволяют только догадываться³. Тем не менее, мнимых значений оказывается достаточно, чтобы придать вид осмысленности всей фразе. Набоков словно доводит шутку, начатую неизвестными пересмешниками, до логического конца. Действительно, странно, когда человек говорит о себе, что является изумрудом, пусть и дровичистым. [REDACTED] И напротив, совершенно нормально, если умруд сообщит о своей этнической принадлежности, при этом похваставшись своей дровичистостью.

Чтобы не создалось впечатления, что дровичистый Изумрудов создан лишь испорченным взглядом читателя, а не автора, Набоков спрятал в романе еще одного персонажа, чья фамилия отсылает к той же пушкинской строке. В земляном королевском дворце висит портрет «прежнего хранителя казны, дряхлого графа Ядрица⁴» («a former Keerer

---

¹ Ронен О. «Бедные Изида». Об одной вольной шутке Осипа Мандельштама // Литературное обозрение, 1991. № 11. С. 92

² Сдвиги, подобные этому, органичны каламбурной поэтике Набокова, автора строки *Мы слизь. Реченная есть ложь...* («Облако, озеро, башня»). В «Даре» механизм сдвига разобран на примере («За чистый и крылатый дар. Икры. Латы. Откуда этот римлянин?»), очевидно, прямо восходящем ко Крученыху, который к подразделу «Икра из стихов Пушкина» (*И край уединенный*, и так далее) пишет примечание: «Всего выписано мною из одного тома более 30-ти случаев» (*Крученых А. 500 новых острот...* С. 39).

³ Если с *дровичистым* всё относительно понятно, то слово *умруды* свидетельствует о своей принадлежности к этнонимам не только благодаря употреблению после местоимения я в определенной предположительно-падежной форме (*из умруд* или, в набоковской версии, *из умрудов* – ср. я *из татар, из удмуртов*), но и благодаря звуковому облику слова. Благодаря созвучию с русским глаголом *умрут*, оно ассоциируется даже не столько с упомянутыми удмуртами, сколько с исчезнувшими народами: умбрами или обрами (из выражения *погибоша аки обре*). О «смертельной» фоносемантике изумруда писал Петер Любин: *Lubin, P. Kickshaws and Motley // Triquarterly*, 1970. № 17. P. 187–208.

⁴ В русском переводе вольно или невольно фамилия графа также приобрела непристойное звучание; впрочем, фонетический облик слова *ядро* этому а priori способствует.

of the Treasure, decrepit Count Kernel»). Рядом с ядром окажутся и скорлупки — впрочем, простые: пара советских спецов, ищущих королевские сокровища, вскроют спрятанный за портретом тайник, но не найдут ни золота, ни изумрудов — «ничего, ■■■■ кроме ломаной ореховой скорлупы». Как и Изумрудов, граф Ядриц в «Бледном огне» больше никогда не появится.

Наконец, у Ядрица есть двойник-дворянин: это граф Комаровский, появляющийся исключительно в составленном Кинботом именном указателе для еще одного ложного этимологического толкования. С его помощью автометаописательно объясняется слово *marrowsky*, которое, собственно, и означает 'сдвиг', «рудиментарный спунеризм», как сказано в романе. Едва ли английский термин действительно образован «от фамилии русского дипломата начала XIX века, графа Комаровского, известного при иностранных дворах тем, что он вечно путался, произнося собственную фамилию — Макаровский, Макаронский, Скомаровский и проч.» Важнее, что слово *marrow* имеет то же значение, что и *kernel* — 'суть, сущность, сердцевина'. То, что русский граф путался в собственном имени не абстрактно, а именно при иностранных дворах, намекает на межъязыковые словесные игры, на макаронизмы, ради которых Комаровский (*Komarovski*), превращаясь в Макаронского (*Macaronski*), даже меняет *k* на *s* (и ради которых макаронический Изумрудов записывает для убийцы адрес Кинбота на клочке бумаги того сорта, который «применяют в макаронной промышленности»). ■■■■■■■■ Кроме того, основное значение слова *marrow* — 'костный мозг'. Мозг (*brain*) — важное для «Бледного огня» слово: оно четырежды встречается в 999-строчной поэме Шейда, 16 раз во всем романе, а также вновь роднит Комаровского с Ядрицем (на портрете последнего «на написанной в перспективе затененной крышке ларца художник изобразил блюдо с прекрасно выполненной двудольной, похожей на человеческий мозг половинкой ядра грецкого ореха»).

С пушкинским подтекстом граф Комаровский связан уже не через ложную этимологию, а через верную — в сказке князь Гвидон превращается в комара (а еще в муху, в которую соглашается перевоплотиться и Шейд: *I'm ready to become a floweret/Or a fat fly, but never, to forget*¹). Возлюбленной Гвидона в сказке оказывается царевна Ле-

---

¹ Поэма «Бледный огонь» и «Сказка о царе Салтане» схожи еще и парной рифмовкой.

бедь — и вот Кинбот в указателе специально обращает внимание на свое отношение к лебедям (отрицательное, что, учитывая пушкинскую параллель, вряд ли случайно, ведь набоковский герой гомосексуален). Не хватает лишь шмеля (важный образ в набоковских детских воспоминаниях; яркий и часто цитируемый пассаж про шмеля из автобиографических «Других берегов» отзывается и в «Защите Лужина»¹) и, собственно, белки (но она сквозной образ, появляющийся в каждой главе «Пнина» — романа, метонимически связанного с «Бледным огнем» через заглавного героя²).

Подводя итог, перечислю три своеобразные константы набоковского творчества. Первая — метафора перевода как взаимодействия культур: осуществимого (*crown — crow — cow*, корона — ворона — корова) и невозможного (сходство английских слов *mountain* и *fountain* адекватно «не передашь ни по-французски, ни по-немецки, ни по-русски, ни по-землянски, — переводчику останется прибегнуть к одной из тех сносок, что пополняют криминальный архив находящихся в розыске слов»)³. В пространстве языковой игры перевод — как удачный, так и провальный — может реализовываться в каламбурах, анаграммах-шифровках, поэтических этимологиях.

Вторая константа — пушкинский подтекст. Новаторский роман Набокова самой своей структурой обязан опыту, который его автор получил, составляя комментарий к «Евгению Онегину». Помимо пушкинского романа в стихах, в «Бледном огне» можно найти следы «Русалки», «Станционного зрителя» и, вероятно, не только их. Наконец, третья константа — личная: это тема эмиграции, изгнанничества, ностальгии. В тоске Карла-Кинбота по землянско-

---

1 Довершая собрание насекомых, скажу, что в «Лужине» и комары связаны с детством, а «крупная, вялая муха», за которой «долго следила» жена шахматиста — вероятно, та же, на которую смотрела тетушка Мод из стихов Шейда. Крылатые существа — птицы и насекомые, которых так много в поэме — служат Шейду и Набокову символами проницаемости земного и загробного миров. Смехотворные свойства укуса комара, влетевшего в присутственное место, Годунов-Чердынцев обсуждает в «Даре» — применительно к Добролюбову и безотносительно схожего происшествия с Гвидоном и поварихой.

2 *Varabtarlo G. Phantom of fact: a guide to Nabokov's Pnin.* Ann Arbor, 1989. P. 21–23.

3 Один из многочисленных набоковских споров о поэтическом переводе касался и «Сказки о царе Салтане»: автор «Бледного огня» критиковал Эдмунда Уилсона за перевод строк *Ты, волна моя, волна! / Ты гульлива и вольна*. См.: *Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov-Wilson Letters, 1940–1971.* Oakland, 2001. P. 119–120.

му трону смешалась и тоска Набокова-Боткина по России, и личный ужас Набокова от убийства его отца политическими террористами.

На пересечении этих трех кругов и оказывается пушкинская история Гвидона – царевича, злокозненно изгнанного недругами из родной страны. Эта история, однако, сказочная, фольклорная, веселая, а главное, хорошо заканчивающаяся – наследник престола, преодолев все трудности, возвращается домой с любимой, а врагов прощает. Поэтому ее можно подать игривым, полунепристойным намеком – вполне в пушкинском стиле. В поэтическом и зловещем, загадочном и трагическом мире «Бледного огня» никому не отказано в праве на каламбур, ведь даже путаник Комаровский становится Скоморовским; даже лишенный чувства юмора Кинбот пытается обшутить слово *shootka*; и даже отвратительному Изумрудову «в остром уме никто <...> не отказывал».

(Не) академический Лермонтов: тезисы
к изучению

«юнкерских текстов»*

А. С. Бодрова

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН

I.

Годы обучения Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (осень 1832 – осень 1834 гг.) обычно предстают промежуточным и непродуктивным периодом в его человеческой и творческой биографии. Такая трактовка, до сих пор стабильно держащаяся как в большинстве научных исследований, так и в вузовских и школьных учебниках, восходит, по-видимому, к авторитетным биографическим и историко-литературным концепциям – соответственно П. А. Висковатова и Б. М. Эйхенбаума.

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта для молодых российских ученых МК-5878.2014.6 «Литературная репутация М. Ю. Лермонтова: этапы становления (1840-е – 1890-е гг.)».

Пользуюсь случаем поблагодарить Н. Г. Охотина и Г. Г. Суперфина за советы и полезные обсуждения материалов, представленных в работе, а также участников Дундуковских чтений за живой интерес, проявленный к затронутым в докладе темам и сюжетам. Моя отдельная и неизмеримая благодарность редактору-составителю этого сборника Б. В. Орехову, чье бесконечное терпение и настойчивость много способствовали появлению на свет настоящих заметок.

В обстоятельной висковатовской биографии, во многом не утратившей своего фактографического значения, два юнкерских года представлены как исключительно тяжкие для молодого поэта – как годы несвободы и необходимости подчиняться военным порядкам закрытого учебного заведения и приспособливаться к разгульным привычкам товарищей:

Лермонтов попал в обстановку, сдавливавшую в тесные рамки всякую индивидуальную свободу. Дисциплина приводила всех под один уровень, и дисциплина эта была тем чувствительнее, что, как раз ко времени вступления Лермонтова в школу, она стала применяться с особенною строгостью, придирчивая ко всяким мелочам, что контрастировало с прежним бытом «школы». Чувствительная для всех, она должна была быть вдвойне тяжела для Михаила Юрьевича. Увидав себя в железных оковах правильного строя военного порядка, ощутив личную свободу свою поработанной гораздо сильнее прежнего, Лермонтов не мог не понять, как ошибся он в расчете и как для него тяжело будет выносить эту регулярную, стеснительную жизнь <...> Самолюбие не позволяло Лермонтову отступить. Надо было идти по принятому пути. То же самолюбие вынуждало его как можно скорее освоиться с новым бытом и, затаив в себе личные интересы, пойти об руку с товарищами и ни в чем не отставать от них. <...> Тягостны были для Лермонтова два года, проведенные им в школе юнкеров, и охотно, может быть, вычеркнул бы он их из своей памяти...¹

Эйхенбаум, в свою очередь, предлагал «вычеркнуть» юнкерские сочинения – прежде всего эротические поэмы – из литературной эволюции Лермонтова, ██████████ отказываясь видеть в них собственно литературное значение, так как

вместо иносказаний и каламбуров мы видим в них просто скабресную терминологию, грубость которой не производит никакого впечатления, потому что не является художественным приемом (как хотя бы у Пушкина неожиданное грубое ругательство

---

¹ Висковатов П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество // Лермонтов М. Ю. Сочинения М.Ю. Лермонтова: В 6 т. / Под ред. П. А. Висковатова. Т. 6. М., 1891. С. 174–175, 191.

в стихотворении «Телега жизни», где оно действует комически, потому что является результатом развертывания глубокомысленной метафоры). <...> За этими поэмами скрывается, повидимому, разочарование в своей юношеской работе и мрачные думы о ничтожестве¹.

Для Эйхенбаума юнкерские поэмы и стихи – лишь «психологический документ»², отражающий душевные переживания Лермонтова в «переходную эпоху» его жизни. [REDACTED] Такая их трактовка, по всей видимости, была связана с основной идеей очерка Эйхенбаума, жестко противопоставившего раннее и позднее творчество поэта: «творчество Лермонтова естественно делится на два периода – школьный (1828–1832) и зрелый (1835–1841), между которыми лежит промежуток в три года, когда Лермонтов пишет очень мало и творчеством серьезно не занимается»³.

Концепцию Эйхенбаума, в общем виде, безусловно, справедливую, не удалось поколебать иным интерпретаторам юнкерских поэм, среди которых, в первую очередь следует назвать [REDACTED] С.Н. Дурылина, в 1941 г. (!) попытавшегося реабилитировать юнкерские сочинения как важный шаг на пути Лермонтова к реализму. Опираясь на вскользь брошенное замечание в давней статье П.Н. Сакулина⁴, Дурылин настаивал на возвращении юнкерских поэм в историю лермонтовской литературной эволюции, апеллируя к бесспорной в тогдашней литературоведческой иерархии ценности – «прямому воспроизведению действительности:

<...> в юнкерских поэмах Лермонтов-писатель впервые обратился к прямому воспроизведению действительности в форме реалистического рассказа.

¹ Эйхенбаум Б. М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924. С. 102–103.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 22.

⁴ Ср.: «<...> фривольные поэмы Лермонтова вносили в его поэзию струю простоты и жизненности, черты, которых так недоставало «романтическим» поэмам Лермонтова и его современников» (Сакулин П. Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова // Венюк М. Ю. Лермонтову: Юбил. сб. М.; Пг., 1914. С. 37).

Специфичность «заказа» обусловила тот специфический выбор, который Лермонтов сделал из скудного материала окружающей его юнкерско-офицерской действительности, но выбор сделан был именно из материала действительности и обработан рукой реалиста, как будто никогда не державшего романтическое перо¹.

Остроумная концепция Дурылина не смогла, однако, повлиять на судьбу юнкерских поэм ни в изданиях, ни в комментаторских статьях — характерно, что в академический 6-томник 1954–1957 гг.² и в последующие авторитетные издания 1979–1981 гг. и [ ] 1989 г. юнкерские сочинения не были включены вовсе, а в большинстве советских исследований упоминались лишь вскользь и в негативном контексте. Даже в итоговой «Лермонтовской энциклопедии», отражавшей срез научных достижений советского лермонтоведения, все юнкерские поэмы были представлены крохотной общей статьей³, а юнкерские стихотворения даже не были перечислены.

С публикациями и исследованиями юнкерским поэмам в большей мере повезло на Западе — так, наиболее полная публикация текста трех поэм и обоих стихотворений и по сей день принадлежит У. Хопкинсу, напечатавшему их в приложении к своей статье «Lermontov's Hussar Poems»⁴ в ардисовском журнале «Russian Literature Triquarterly»⁵. Эта статья Хопкинса, наряду с соответствующим фрагментом его диссертации,

---

¹ Дурылин С. Н. На путях к реализму // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М., 1941. С. 99.

² От редакции // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Б. П. Городецкий, Б. В. Томашевский Т. 1: Стихотворения, 1828–1831. М.; Л., 1954. С. 5–6.

³ Найдич Э. Э. Юнкерские поэмы // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981. С. 639–640.

⁴ Hopkins W. H. Lermontov's Hussar Poems // Russian Literature Triquarterly. 1976. Vol. 14. P. 36–47.

⁵ Пять эротических стихотворений М. Ю. Лермонтова // Там же. С. 416–429. Тексты юнкерских поэм и стихотворений печатаются по публикациям в сборниках «Русский эрот не для дам», «Демон и Запрещенные стихотворения Лермонтова» с некоторыми исправлениями по рукописному списку, бывшему в распоряжении Хопкинса (Там же. С. 429; точная идентификация источников произведена Л. В. Бессмертных: Бессмертных Л. В. О некоторых изданиях эротических произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 302–303).

защищенной в 1977 г.¹, а также ряд публикаций чешской исследовательницы Д. Кшицовой² до недавнего времени оставались едва ли не самыми подробными работами об этом пласте литературного наследия Лермонтова.

И хотя в последнее время можно констатировать некоторый подъем исследовательского интереса к юнкерскому периоду в творческой биографии Лермонтова³, [REDACTED] множество проблем до сих пор остаются нерешенными, начиная, собственно, с изучения источников «юнкерского корпуса» и академически подготовленных текстов — как поэм, так и стихотворений. На эти вопиющие текстологические пробелы — на примере примыкающей к юнкерским сочинениям поэмы «Монго» — справедливо указал Р. Г. Лейбов⁴. [REDACTED] В настоящей заметке мне бы хотелось начать заполнять (хотя бы отчасти) некоторые из этих лакун.

---

1 Hopkins W. H. The development of «pornographic» literature in eighteenth- and early nineteenth- century Russia. Ph. D. Diss. Indiana University, ProQuest, UMI Dissertations Publishing, 1977. P. 307—323.

2 Kšicová D. Poéma za romantismu a novoromantismu. Česko-ruské paralely. Brno, 1983. P. 30—37; ср. также: Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university. Řady literárněvědné. 1975. Vol. 21—24. P. 76.

3 См. прежде всего ценную новыми фактическими сведениями о жизни юнкерской школы 1832—1834 гг. публикацию Е. Н. Рябова (*Рябов Е. Н.* К пребыванию Лермонтова в Школе Гвардейских подпрапорщиков и Кавалерийских юнкеров // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. 2006. № 1. С. 19—85), уже упоминавшуюся выше библиографическую публикацию Л. В. Бессмертных (*Бессмертных Л. В.* О некоторых изданиях эротических произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. С. 296—305), статью Р. Г. Лейбова о поэме «Монго», в которой поставлен ряд принципиальных историко-литературных и текстологических вопросов применительно и к юнкерским поэмам (*Лейбов Р. Г.* Две неизвестных строки Лермонтова // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту, 2008. С. 86—96). Помимо этого, см. серию публикаций в конференционных сборниках: *Буров А. А., Бурова Г. П., Фрикке Я. А.* «Юнкерские» поэмы Лермонтова в художественно-эстетическом измерении // Лермонтовские чтения на Кавминводах — 2010. Мат-лы междунар. науч. конф. ПГЛУ: 20—22 мая 2010. Пятигорск, 2010. С. 79—86; *Айрапетова Э. Г.* Поэма «Монго» в контексте лермонтовского творчества // Там же. С. 86—93; *Бакалдин И. П.* Барковские традиции в творчестве М. Ю. Лермонтова // Там же. С. 93—95, а также новейшую статью Ю. М. Прозорова, редактора тома поэм в новом Собрании сочинений Лермонтова, о юнкерских поэмах: *Прозоров Ю. М.* «Юнкерские» поэмы Лермонтова. Комментарии и параллели. // Русская литература. 2014. № 3. С. 13—27.

4 *Лейбов Р. Г.* Две неизвестных строки Лермонтова. С. 86—96.

2.

Как неоднократно указывалось, основной источник текста как для юнкерских поэм, так и для стихотворений – выписки М.И. Семевского из 4-й книжки рукописного журнала «Школьная заря»¹, экземпляр которого хранился у однокашника Лермонтова по школе Н.С. Вяземского. Согласно сообщению Семевского, ему удалось познакомиться с «подлинной тетрадью журнала» в 1879 г. в Петербурге благодаря посредничеству В.Н. Поливанова, сына еще одного товарища Лермонтова по юнкерской школе – Н.И. Поливанова, «Лафы» из юнкерских поэм². Как следует из пояснительной записи Семевского на обложке тетрадки с выписками, корпус текстов этого номера «Школьной зари» был более обширным; он же скопировал только то, что «принадлежит М.Ю. Лермонтову», руководствуясь, очевидно, указаниями Вяземского. Существенно, что для юнкерских стихотворений («Ода к нужнику» и «Т***» [«Тизенгаузену»]) атрибуция Вяземского отказывается едва ли не единственным авторитетным свидетельством в пользу лермонтовского авторства.

Копия Семевского, очевидно, послужила источником и для двух других списков тех же юнкерских текстов, практически не упоминавшихся в исследовательской литературе. Один из них³ был сделан в 1884 г. Н.Н. Буковским⁴, хранителем и заведующим Лермонтовским музеем при Николаевском кавалерийском училище, на основе списка Семевского, поступившего в собрание Музея в 1883 г. Однако в своем списке Буковский учел также варианты других источников – в том числе публикации ряда текстов в заграничном бесцензурном сборнике «Русский эрот». Еще один список с тетрадки Семевского, вероятно, был сделан перед ее передачей в Лермонтовский музей и хранился в архиве журнала «Русская старина»⁵.

Какие юнкерские тексты Лермонтова содержались в 4-й книжке «Школьной зари»? Судя по копии Семевского,

---

1 РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 82.

2 [Семевский М. И.] «Школьная Заря» // Русская старина. 1882. № 8. С. 391 (подпись: N. N.).

3 РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 83.

4 О вкладе Буковского в собиание и изучение наследия Лермонтова см.: Беляев Н. С. Нарцисс Буковский и его вклад в развитие изучения жизни и творчества М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения – 2010 = Lermontov's Readings – 2010: сб. ст. СПб., 2011. С. 251–261.

5 РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 144.

в этот выпуск вошло пять текстов, принадлежавших перу Лермонтова, — ■■■■ две поэмы, два стихотворения и прозаический отрывок, располагавшиеся в следующем порядке: 1) Уланша; 2) Пограничные известия. Перепония; 3) Ода к нужнику; 4) К Т***; 5) Гошпиталь (рассказ).

Третья поэма — «Петергофский праздник» — по указанию Висковатова, была помещена в одном из предшествующих номеров «Школьной зари»¹, однако неизвестно, опирался ли в данном случае Висковатов на мемуарные свидетельства, видел ли сам соответствующий выпуск «Школьной зари» или же предположил, что, раз в известном 4-м номере этой поэмы не было, она должна была быть в каком-то другом.

Вообще говоря, поэмы, в отличие от стихотворений, широко распространялись в списках, которые до сих пор систематически не обследовались и практически не сопоставлялись с ранними публикациями (источники которых также в большинстве ■■■■■ своим остаются плохо описанными)². И хотя авторитетность копии Семевского как основного источника «Уланши» и «Гошпиталя» едва ли может быть поставлена под сомнение, нельзя исключать, что ряд чтений нужно будет уточнить исходя из показаний других списков. Применительно же к «Петергофскому празднику», напечатанному и в свое время Эйхенбаумом, и только что Ю. М. Прозоровым по списку из архива В. П. Гаевского³, эта проблема стоит гораздо острее.

Приведем ниже перечень списков юнкерских поэм, выявленных в основных хранилищах Москвы и Петербурга:

1) РО ИРЛИ. ф. 524. Оп. 2. № 82 — копия М. И. Семевского с 4-й книжки «Школьной Зари» («Уланша» (л. 2–3 об.), «Гошпиталь» (л. 6 об.—9); а также стихотворения —

¹ Ср.: «Еще раньше этого в одном из номеров “Школьной Зари” был помещен Лермонтовым “Петергофский праздник”. В этой грязноватой поэме главным действующим лицом изображен юнкер лейб-кирасирского полка Бибииков» (*Висковатов П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. С. 186*).

² Редкое исключение — работа Л. В. Бессмертных: *Бессмертных Л. В. О некоторых изданиях эротических произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. С. 296–302*.

³ РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 80. Л. 1–3 об. См.: *Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. / Ред. текста, коммент. и предисл. Б. М. Эйхенбаума; Подгот. текстов Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева. Т. 3: Поэмы и повести в стихах. М.; Л., 1935. С. 660; Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2: Поэмы / Отв. ред. тома Ю. М. Прозоров. СПб., 2014. С. 665.*

Л. 5 об.—6 об.); также приложена машинописная копия «Петергофского праздника» — под заглавием «Петергофское гулянье» (Л. 11–12 об.).

2) РО ИРЛИ. ф. 524. Оп. 2. № 83 — «Стихотворения и проза М. Ю. Лермонтова. Копии Н. Буковского. 1884»; копия с копии Семевского (№ 1) с исправлениями по другим источникам («Уланша», «Гошпиталь», стихотворения; «Петергофский праздник» — Л. 19–22).

3) РО ИРЛИ. ф. 524. Оп. 2. № 144 — «Школьная заря. 1834», копия с копии Семевского (1), из архива «Русской старины» («Уланша», «Гошпиталь», стихотворения).

4) РО ИРЛИ. ф. 524. Оп. 2. № 80 — тетрадь с копиями из архива В. П. Гаевского («Петергофский праздник», «Уланша»).

5) РО ИРЛИ. ф. 524. Оп. 4. № 25 — тетрадь П. А. Ефремова с рабочими материалами для издания сочинений М. Ю. Лермонтова («Уланша», «Гошпиталь», «Петергофский праздник»; копии рукой П. А. Ефремова и П. И. Бартенева).

6) РО ИРЛИ. ф. 524. Оп. 2. № 90 — тетрадь Н. Н. Буковского с копиями поэм «Петергофский праздник», «Гошпиталь», с исправлениями текста «Петергофского праздника» по копии из бумаг А. А. Краевского в РНБ (№ 9).

7) РО ИРЛИ. ф. 524. Оп. 2. № 79 — «Петергофский праздник», копия (на обложке пояснение: «Копия, снятая в 1856 г. в г. Харькове. Пожертвована в Лермонтовский музей 10 декабря 1914 г. юнкером Влад. Влад. Лазаревичем»).

8) РО ИРЛИ. ф. 524. Оп. 2. № 111 — «Петергофский праздник», копия, принадлежавшая А. Н. Лазаревичу¹.

9) ОР РНБ. ф. 429. № 67 — Сборник стихотворений М. Ю. Лермонтова, Д. В. Давыдова, Н. М. Языкова («Петергофский праздник» (Л. 1–5), «Уланша» (Л. 5 об.—9)). В сшитой тетради, из бумаг А. А. Краевского.

10) ОР РНБ. ф. 905. Q 81 — «Гошпиталь» (Л. 2–6), «Петергофский праздник» (Л. 59–62), «Уланша» (Л. 63–65 об.). Списки неуст. лиц кон. XIX — нач. XX вв. в тетради².

11) РГАЛИ. ф. 276. Оп. 1. № 72 — «Петергофский праздник» (под заглавием «Первое июля», Л. 1–4), «Гошпиталь»

---

¹ Краткое описание материалов Рукописного отдела Пушкинского Дома см.: Сводный каталог лермонтовских материалов в собраниях ИРЛИ РАН. СПб., 2014.

² См. электронную публикацию на сайте Российской национальной библиотеки: «Михаил Юрьевич Лермонтов. Каталог материалов Отдела рукописей» [электронный ресурс; URL: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Lermontov/list_of_poetry.php].

(под заглавием «Разказ», Л. 4 об.—5 об.), «Уланша» (Л. 11 об.—13 об.) в тетради разных стихотворений, принадлежавшей С.А. Андреевскому, затем Н.О. Лернеру¹. 12) РГАЛИ. ф. 276. Оп. 1. № 68 – Стихотворения из книги «Русский Эрот» [с разночтениями по другим источникам] («Госпиталь», стихотворения, «Петергофский праздник», «Уланша»).

Как можно видеть из перечня копий и его сопоставления с содержанием 4-й книжки «Школьной зари», поэмы пользовались гораздо большей читательской популярностью², чем стихотворения (хотя нельзя исключать, что их списки выявлены хуже), ■■■■■ которые, однако, еще в конце 1870-х гг. дошли до бесцензурных сборников. Единственный прозаический текст из той же подборки, под заглавием «Пограничные известия. Перепония», ■■■■■ вовсе не получил никакого распространения и до сих пор не был напечатан.

Причина этому, разумеется, не в прозаической форме, а в несколько неожиданном содержании «Пограничных известий», не слишком удобном для печати и приятном для чтения: в этом тексте поэтическую обценную эротику сменяет гораздо менее «олитературенная» скатология (специфика которой хорошо видна при сопоставлении со «скатологической» по локусу, но не по основному сюжету «Одой к нужнику»). В этой стране, как и во владениях короля Свища I, откуда отправляется профессор фон-дер-Бздох, все вывернуто наизнанку и торжествует, «материально-телесный низ»: битье шпицрутенами, пощечины и тычки там высшая награда, нужник – роскошное временное пристанище, вместо дождя и снега с небес исторгаются экскременты:

На днях получили здесь преинтересное письмо от путешественников, которые для блага науки, решились подвергнуть жизнь свою опасности, проникнуть в глубину, доселе малоизвестной Безмозглии; не желая лишить любителей изящного

¹ Подробное описание сборника см.: *Лейбов Р. Г.* Две неизвестных строки Лермонтова. С. 87–91.

² Ср. свидетельство соученика Лермонтова по юнкерской школе А. М. Меринского: «“Уланша” была любимым стихотворением юнкеров; вероятно, и теперь, в нынешней школе, заветная тетрадка тайком переходит из рук в руки» (*Меринский А. М.* Воспоминание о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 172).

удовольствия читать сие известие, я целиком передаю нижепомянутое письмо, не прибавляя и не пропуская ничего:

34 Февраля во 2-м часу утра, Профессор Химии привилегированный невежда Короля Свища I-го барон фон-дер-Бздех с компаниею, оставил Сан-Сикилей, получа от расстроенного Короля Свища I по 12 плюх в левые щеки, и по кулаку в затылок; сам же Профессор в знак особенной милости публично выдран был плетьюми, и отправился торжественно сопровождаемый народом <...>

К ночи настигла путешественников наших ужасная гроза, и Профессор не знал куда деваться самому и свите его; ни города, ни селения не было в виду, и все были в совершенном отчаянии (Вот как пишет Секретарь Пр. фон-дер-Бздеха:).

В 13-м часу вечера, синее небо уподобилось подбитому глазу, черные тучи расхаживая по горизонту хрипели, рычали и грозили низвергнуться на нас всею своею тяжестью. Профессор решился прекратить путь и приказал разбить походный нужник, где и поместился со свитой; по углам сего спасительного здания расставлены были избранные е*аки с поднятыми кверху х**ми для отвода молнии. Мрак был так велик, что невозможно было в двух шагах различить лица от жопы, и все пришли в уныние... вдруг загредел в облаках ужасный пердок, земля затряслась и отводные х** расчленились вдруг, пердки усилились, ветры завоняли сильнее и жидкая дристя пудами полетела на землю¹.

Цель этой шутки отчасти поясняется примечанием Семеvского к «Пограничным известиям»: «По воспоминаниям кн. Н. С. Вяземского “Курок и Нос” были прозвища школьные князя Шаховского, на что Лермонтов и сочинил путешествия в страны: Курконозрию, Перепонию и Безвозглию»². Однако конкретные «применения» и аллюзии в этом скатологическом тексте еще требуют дополнительных разысканий. Что же касается авторства Лермонтова, в которое, очевидно, отказывались верить

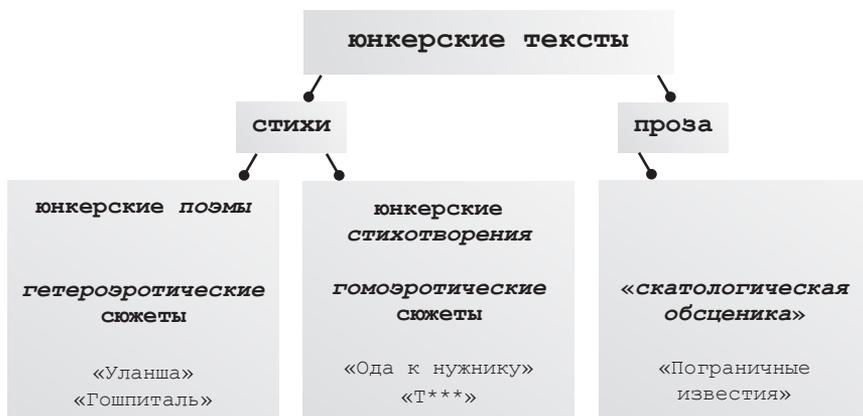
---

¹ РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 82. Л. 3 об.—4 об.

² Там же. Л. 5 об.

все те исследователи, которые держали в руках копию Семейского, — то у нас нет серьезных аргументов (кроме эстетических) против указаний Н.С. Вяземского, во всех остальных случаях давно пользующегося доверием комментаторов.

Таким образом, исходя из содержания «Школьной зари», можно построить довольно любопытную «жанрово-тематическую» типологию обценных юнкерских сочинений Лермонтова — так, все поэмы посвящены гетеросексуальным подвигам юнкеров, в то время как в мелкой стихотворной форме речь идет о гомоэротических переживаниях; в свою очередь, проза, не касаясь обеих этих тем, находит для себя иную нишу, которую мы условно назовем «скатологической обценкой». См.:

3.

На этом фоне выделяется еще одно небольшое стихотворное произведение, опубликованное в 1935 г. Б.М. Эйхенбаумом¹, но ни в одно собрание сочинений не включавшееся. Это небольшое стихотворный экспромт, записанный рукой Лермонтова, на отдельном листке; под ним — другой рукой, не вполне разборчивая стихотворная приписка на «малороссийском наречии». Тематическая и сюжетная близость к юнкерским поэмам позволяет практически без сомнений отнести этот экспромт к рассматриваемому периоду жизни Лермонтова:

---

¹ Эйхенбаум Б. М. О текстах Лермонтова // Литературное наследство. Т. 19/21. М., 1935. С. 487.

Благодарим тебя [   ]
И будем помнить вечно ямки,
Где каждый неудачно влез
На брюхо оскорбленной самки
И где потом, потупив взор,
Он возвратился к мирной келье
И утопил он свой позор
В веселом дружеском похмелье.

Дякую братику
За працю твою
Одирвав бы кабаку
Погану свою
Вона прокаженна
Наглумилась в<?> мене
Не встала проклятенна
Гряять й! але!І

Под «малороссийским» текстом — подпись «Веремий», под первым стихотворением — две подписи: «Лермонтов» и неразборчивая фамилия, которую Эйхенбаум прочел как «Гринев»². Однако, по справедливому указанию Н. Г. Охотина, знакомого с такой фамилией — в том числе по Юнкерской школе — у Лермонтова не было, а за малоразборчивой подписью, по всей видимости, скрывается либо М. И. Русинов, либо И. Ф. Грицевич,

---

¹ РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 4. Л. 1. Благодарю Г. Г. Суперфина за помощь в прочтении приписки.

² Эйхенбаум Б. М. О текстах Лермонтова. С. 487.

³ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихотворения / Отв. ред. Н. Г. Охотин. СПб., 2014 (в печати). Список юнкеров, состоявших при Школе одновременно с Лермонтовым см. в публикации Е. Н. Рябова: Рябов Е. Н. К пребыванию Лермонтова в Школе Гвардейских подпрапорщиков и Кавалерийских юнкеров. С. 72—85.

⁴ Этим, вероятно, и объясняется его уничтожение в автографе. Если бы на этом месте было, например, мифологическое обращение («Благодарим тебя, Зевес...»), то его незачем было бы вымарывать.

учившиеся в Школе юнкеров одновременно с Лермонтовым³. Выскобленное в первой строке обращение также, вероятно, предполагало имя кого-то из юнкеров – незадачливых участников приключения в «незабвенных» Ямках⁴. Наиболее вероятный кандидат из числа юнкеров также назван Н. Г. Охотиным – это ██████████ Ф. Ф. Тевес, чья фамилия, единственная из всего списка соучеников Лермонтова, рифмуется со словом «влез» в третьей строке. «Ямки», судя по всему, – обозначение места действия: вероятно, деревня или станция (названия типа Ям, Яма, Ямки довольно частотны в окрестностях Петербурга, однако в непосредственной близости от юнкерских лагерей 1834 г., возле Ораниенбаума, такой населенный пункт не обнаруживается) или, может быть, название городской улицы или слободы, где располагались соответствующие заведения (так, например, Ямской в 1780-е – начале 1830-х гг. называлась набережная Лиговского канала, ср. также дожившее до сегодняшнего дня название округа «Лиговка-Ямская»).

Этот стихотворный экспромт контрастно оттеняет героико-эротическую сюжеттику юнкерских поэм, представляя собой как бы «минус-сюжет» «Уланши», где, несмотря на усталость от похода и вина, «ужасны молодцы», под предводительством Лафы, победно накидываются на «отважную красотку» Танюшу. В «Ямках» же лиро-эпический размах поэм сменяется эпиграмматической сухостью, с которой рассказывается о жестоком и трудно объяснимом коллективном афронте юнкеров, – не удивительно потому, что этот экспромт, в отличие от юнкерских поэм, так и остался текстом на случай, не подлежащим распространению и «канонизации».

Содержание

Предисловие

3

Первое чтение

А. Л. Полян «Дан приказ: ему — на запад» как хасидская песня

6

Р. А. Евстифеева К типологии епископов в «Истории франков» Григория Турского: типы «алкоголики», «убийцы», «подкаблучники»

14

Второе чтение

В. С. Люпина «Накоплю я много поцелуев...»: к типологии невербальных средств коммуникации

24

Б. В. Орехов Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, или О сочетаемости глаголов «бросить» и «уйти» на материале корпуса

30

Н. Н. Занегина «Pejskaři, jste hovada a prasata!»: стратегии убеждения в чешских письменных публичных обращениях к владельцам собак

36

Третье чтение

К. Ю. Зубков Александр Ильич Ульянов — защитник Пушкина?

46

Ф. М. Киселин <О «Большой элегии Джону Донну» (1963) Иосифа Бродского>. Публ. П. Ф. Успенского

52

К. А. Головастиков Изумрудов. Об одной вольной шутке Владимира Набокова

58

А. С. Бодрова (Не) академический Лермонтов: тезисы к изучению «юнкерских текстов»

66

Научное издание

Дундуковские чтения.

Материалы конференции памяти
Академии наук (26 октября 2013 г.)

Под ред. Б. В. Орехова.

Дизайн, верстка: Д. Муслимов
